

MASSIMO L'ABATE

BAIKAL

UN DESTINO LUNGO 7 MILA CHILOMETRI

Массимо Лабате

Байкал

<https://litres.ru/73934378>

SelfPub; 2026

Аннотация

Напряженный и полный приключений роман о смысле жизни, поиске любви во всех ее проявлениях и необыкновенной возможности возрождения, даже когда все кажется потерянным.

В день своего пятидесятилетия Массимо смотрит в зеркало и перестает себя узнавать. Успешный инженер, бывший художник и пилот, владелец престижного автосалона – он, казалось бы, обладает всем, кроме себя самого. Он пускается в бунтарское путешествие без цели.

Его прошлое и за пределами настоящего. В местах, полных воспоминаний — от Испании до Франции, от Амстердама до Москвы — Массимо переживает утраченную любовь, заново обретает глубокие связи и сталкивается с трагедиями, которые навсегда меняют ход его жизни.

Но именно случайность и встреча с загадочной женщиной из Сибири откроют дверь к возрождению. В путешествии, которое одновременно является и физическим, и внутренним, Массимо научится залечивать раны своей души, заново открывая ту часть себя, которую он считал утраченной навсегда.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

105

Массимо Лабате

Байкал

Массимо Л'Абате

Байкал

Посвящается моей жене

*Коня на скаку остановит,
В горящую избу войдёт.*

Н. Некрасов

Пятьдесят лет

В то утро он проснулся особенно расстроенным и усталым, ему приснился странный сон, долгий, бесконечный, или так ему показалось; действительно, уже некоторое время он видел странные сны, может быть, кошмары, которые затем преследовали его весь день. Он открыл глаза и увидел свою привычную комнату, аккуратную, с большими белыми шкафами, симметричными картинами на стенах, кровать, которую никогда не расстилали, хотя спали на ней всю ночь, телевизор, который транслировал рэп-песни, глупые песни-всезнайки, пытающиеся научить жить. Как все-

гда, он пошёл на кухню, сварил кофе и, хотя жаждал тёплой кремовой булочки, съел обычное сахарное печенье, закурил первую из своих сорока ежедневных сигарет и зашёл в ванную.

Когда он брился, в голове всплывали запутанные фрагменты сна: он пытался собрать эту головоломку, пытаясь придать логику и хронологию хаосу мыслей и событий, людей, которых он вроде бы знал, но которые на самом деле были незнакомыми. Чем дольше он вспоминал сон, чем сильнее сгущался туман, тем больше всё выбивалось из логической схемы реальной жизни. Когда он закончил бриться, внимательно посмотрел на себя в зеркало и не узнал. Он понял, что очень долго смотрел на себя, но не видел по-настоящему. Слишком долго! То, что он увидел, было не тем, что он ожидал, а тем, чего он никогда не хотел видеть. Как это произошло? Куда делся блестящий и очаровательный мужчина, которым он был? Куда делись его мечты и амбиции? Что случилось?

Он продолжал думать, когда одевался, совершая привычный утренний ритуал, направленный на то, чтобы лучше выглядеть и придать себе аккуратный вид. Беспорядочные события сна продолжали кружиться в голове, вспоминались отдельные части. Насколько во сне он отличался от реальности, насколько он был свободнее, менее стеснён условностями

ми и направлен к цели. Жизнь была переполнена и поглощена хаосом. Параллельный мир был настолько по-своему правдоподобный, что заставляет задуматься, какой из двух реальнее.

Массимо в тот день исполнилось 50 лет.

Он был высокий – рост метр восемьдесят пять, всегда загорелый; сухощавое, спортивное телосложение, короткие седые волосы, зелёные глаза, по-детски очаровательная улыбка. Бывший гонщик автомобилей и мотоциклов, художник по призванию, торговец по страсти и необходимости. У него было много любовных историй и приключений, два брака, в целом насыщенная, яркая и расточительная жизнь. А своим шедевром он считал пятнадцатилетнюю дочь!

Когда он собирался выйти из дома, зазвонил телефон. Он посмотрел на экран и улыбнулся. Федерика, его дочь.

– С днём рождения, папа. Я хотела позвонить тебе сразу после полуночи, но заснула.

– Спасибо, любовь моя, ты всё равно первая поздравляешь меня. Как поживаешь?

– Всё хорошо! У меня есть вопросы, но, я думаю, сейчас

их не очень хорошо задавать. Не расстраивайся, если обнаружишь в электронном дневнике низкую оценку.

– Как обычно, ты всегда заранее считаешь себя проигравшей. Эта психологическая установка тебе вредит, – Массимо попытался сказать строгим родительским тоном. – К тому же, если бы ты проводила меньше времени в телефоне, а чуть больше за книгами, возможно, тебе бы даже удалось получить хотя бы «удовлетворительно». В любом случае, спасибо, что подарил мне первую плохую новость дня.

– Ох, ну теперь ты меня заставил чувствовать себя виноватой. Мне столько нужно учить! Я не справляюсь. К тому же, если я получу двойку, никто же не умрёт, – сказала Фредерика, как обычно, раздражённо и агрессивно.

– Не кричи и говори по-итальянски, а не как какая-то шпана, и иногда, по крайней мере, когда ты неправа, попробуй извиниться.

– Лучше бы я тебе не звонила. Ладно, всего доброго, – сказал она нервно и повесила трубку.

Массимо знал, что битва проиграна с самого начала, характер дочери был следствием глубокой неуверенности и подростковой гормональной бури, которую она переживала. Ему хотелось более спокойного и конструктивного диалога,

без повышенного тона и непреодолимых стен, разделяющих их. Возможно, это лишь вопрос времени, возможно, через несколько лет Федерика изменится.

Он очень надеялся не ради самого себя, а ради дочери. Он так любил её, что ему было грустно видеть её несчастной, сердитой на себя и на мир. Он всегда задавался вопросом, где ошибся в воспитании, мог ли он сделать больше и лучше, терзался, как каждый родитель.

Он вышел из дома и зашёл в кафе, чтобы выпить хорошего кофе. «Привет, доктор, сделать тебе, как обычно, длинный эспрессо?» Для знакомого много лет бармена Джанни Массимо был настоящим кумиром, примером для подражания. Несмотря на то, что бармену было лет тридцати пяти, он оставался по-мальчишески простым, с принуждённым поведением, но в то же время умным и чувствительным. Каждый раз он замечал мелкие детали в одежде Массимо и тихим, заговорщицким тоном говорил: «Ничего не поделаешь, у тебя другой класс, ты на голову выше. Если бы я родился снова, я бы хотел быть таким, как ты». Затем, обращаясь к другим клиентам за стойкой, он пояснял: «Это сильный человек, а не бедолага вроде вас». Массимо каждый раз смущённо улыбался, но был благодарен бармену за внимание и бескорыстную привязанность.

Стояло обычное утро конца сентября: солнечное, с лёгкими белыми мазками на бескрайнем синем полотне неба и ещё свежим воздухом. Он сел в Porsche и выехал с парковки. Обычно он никогда не ездил на машине в городе, ненавидел пробки, необходимость искать парковки и прочее. Мотоцикл или скутер были идеальным вариантом. Но в то утро ему нужно было ехать к клиенту в Фрозиноне, расположенный в 84 километрах от Рима, чтобы посмотреть машину, выставленную на продажу.

В 9:30 он прибыл в свой салон на Виале Париоли. Шесть витрин с автомобильными игрушками для взрослых. Внутри красовались Ferrari, Maserati, Lamborghini, Porsche, Aston Martin, Jaguar, Mercedes и даже Zonda. Не говоря уже о мотоциклах. Внизу, под салоном, куда вёл проезд для машин, находилась большая мастерская, вся белая: стены, полы и халаты механиков. Она напоминала операционную. Там был рабочий, чья единственная задача заключалась в том, чтобы всегда поддерживать порядок и чистоту. Его никогда не видели празднично стоящим на месте. Фоном играла классическая музыка, смешиваясь с музыкой моторов. Восьми- и двенадцатицилиндровые двигатели не шумят, они поют!

Массимо был инженером-механиком по призванию. Автомобили завораживали его с детства. Он работал на различные автомобильные концерны, а в двадцать пять лет попал в

Ferrari. Мечта любого инженера! Но опыт продлился недолго. Великий старик Энцо Ансельмо Джузеппе Марии Феррари¹ был ещё жив, и с возрастом, конечно, его характер не становился лучше. Атмосфера в компании была слишком напряжённой, буквально нельзя было пошевелить и болтом без его желания. Слишком много подчинения и слишком много страха задеть великого старика или его жену. В день, когда Массимо подал заявление об увольнении, он, помахав коллегам рукой, сказал: «Я понимаю Ферруччо Ламборгини² и завидую ему, если бы у меня были средства, я бы сделал то же самое. Прощайте, рабы!»

Когда родилась Федерика, он, чтобы остаться в Риме и иметь больше времени для неё, открыл салон спортивных автомобилей и мотоциклов. В конце концов, это был его мир, и, зарабатывая, он всегда имел в своём распоряжении бесконечный парк машин, чтобы развлекаться и давать выход своей страсти к скорости.

Его секретарь и четыре менеджера были одеты как продавцы Vulgarì³ – безусловно: от белой рубашки и галстука до качественной обуви, блестящей, как кузова автомобилей, которые они продавали.

---

¹ Основатель одноимённой автомобилестроительной компании

² Основатель одноимённой автомобилестроительной компании

³ Итальянская компания по производству предметов роскоши

Секретарь Алессандра подошла к Массимо.

– Доброе утро, инженер, клиент из Фрозиноне перенёс встречу с 12:00 до 13:00. Сказал, что не простит себя, его не пригласит вас на обед.

Он был возмущён и раздражён.

– Обед меня мало интересует, и за этот час опоздания мне придётся назначить ещё несколько встреч. Я уже не хочу ехать в Фрозиноне. В Италии очень трудно найти плохой город. Фрозиноне – исключение, подтверждающее правило. К тому же от этого парня идёт душок, ну да ладно...

Он дал Алессандре различные распоряжения, поприветствовал своих парней, выстроившихся перед ним, как солдаты, и спустился в мастерскую.

Мастер цеха Антонио издали поприветствовал его и пошёл навстречу. Он был одним из немногих, кто мог позволить себе обращаться к начальнику на «ты», они знали друг друга много лет, со времён гоночной карьеры Массимо.

– Привет! Ты какой-то мрачный. Что случилось? – сказал Антонио.

– Ничего особенного и всё сразу. У нас сегодня есть поставки? – Массимо ответил уклончиво.

– Сегодня мы должны получить Ferrari GTB, а к концу недели, если повезёт, Porsche Carrera. В любом случае, у меня проблемы с Miura, коробка издаёт странный шум, и на оборотах выше 4000 вылетает третья передача. Придётся снимать и разбирать.

Ещё одна «хорошая» новость дня. Массимо по-дружески хлопнул мастера по плечу.

– Решено! Скажи владельцу, чтобы не превышал 3500 оборотов, так он будет меньше расходовать и избежит лишения прав за превышение скорости, – сказал он с иронией.

– Да, это именно тот клиент! Ему семьдесят, но он жжёт резину даже паркуясь. А-ха-ха-ха!

Он немного побродил по мастерской, затем остановился перед мотоциклом Norton Commando, который находился на реставрации. Он купил его в двадцать лет, мечтая о нём с шести.

– Пожалуйста, обращай с ней бережно, это моя капризная девочка, – сказал он механику Винценцо.

– Будьте спокойны, инженер, она будет красивее и лучше, чем когда только сошла с завода, – ответил с уважительной улыбкой Винченцо.

Приехав в Фрозиноне, Массимо припарковался около площади Бенедетто Кайроли, осматриваясь в поисках продавца машины, сел на край фонтана и закурил. Шум воды его успокаивал, давал немного прохлады от невыносимой духоты, характерной для этого города.

Через несколько минут подъехал чёрный Mercedes, из которого вышел какой-то коротышка, скорее широкий, чем высокий, а затем его крепкий водитель. Коротышка оглядывался, Массимо понял, что это продавец, и пошёл навстречу. Тот направился к нему, ускоряя шаг; ткань брюк закрутилась вокруг бёдер, которые тёрлись друг о друга, брюки приподнялись снизу, обнажая пару уродливых коротких белых носков.

Широко улыбнувшись и протянув короткую руку, он сказал:

– Полагаю, вы инженер де Лаби?

Массимо кивнул и сжал потную руку с такими коротень-

кими пальцами, как будто их не было.

– Да. А вы адвокат Сальватори. Приятно познакомиться.

Подручный за спиной адвоката лишь кивнул.

Адвокат, несмотря на добродушное выражение лица, казался каким-то зловещим, коварным, хитрым. Определённо, он не был тем простодушным человеком, каким хотел казаться. Он неуклюже жестикуюлировал, создавая угрозу для пуговиц на туго натянутой на животе белой рубашки.

– Учитывая обеденное время, думаю, лучше пойти что-нибудь съесть, потом отдохнуть. Сытые, мы отправимся посмотреть этот шедевр на колёсах. Что скажете, инженер?

– Как вам будет угодно, главное, мне к пяти надо быть в Риме.

Возможно, Массимо относился к нему с предубеждением, но ничего убедительного в этом персонаже не было.

Адвокат? Чей? И странный водитель, похожий на подручного мафиози? Массимо редко ошибался. Его математический, аналитический ум и жизненный опыт почти всегда позволяли ему составить идеальный портрет собеседников.

Это было преимуществом, но и ограничением, потому что он часто применял ту же систему и к женщинам. Это происходило неосознанно. Наоборот, с женщинами он часто хотел отпустить себя, рискнуть ошибиться, пораниться, а потом зализывать раны. Когда он был гонщиком, доверялся не расчётам, а инстинкту, он вёл себя почти как бессмертный. Чтобы провести параллель, он был больше Вильнёв, чем Лауда⁴.

В ресторане адвоката встретили с большим подобострастием, слишком большим для простого, хорошего клиента. За весь обед он ни разу не заговорил о машине, но не переставал трещать о себе с полным ртом. В отличие от подручного, который не произнёс ни слова. Только щелевидные глаза выдавали, что добродушие толстого лица показное. Они были хитрыми, холодными и жёсткими, как и движения адвоката, будучи неуклюжими, они всё равно выдавали высокомерие и властность. Из всего этого, а также из оплаченного адвокатом счёта, Массимо сделал вывод, что это *camorrista*⁵.

Вилла адвоката, расположенная недалеко от города, подтвердила выводы Массимо: она выглядела как настоящая

---

⁴ Жозеф Жиль Анри Вильнёв – канадский автогонщик. Андреас Николаус Лауда – австрийский автогонщик

⁵ Представитель самогга – неаполитанской преступной структуры, аналогичной мафии.

крепость! Электрические ворота гаража, медленно поднимаясь и издавая лёгкий скрип, продемонстрировали драгоценное содержимое. Солнечный свет, подобно прожектору на сцене, осветил переднюю часть Bugatti небесно-голубого цвета.

Это был EB110 92-го года выпуска, один из первых экземпляров, собранных на заводе визионера Романо Артиоли⁶. Автомобиль спорный и с множеством заводских недочётов, но всё же легенда стоимостью в миллион евро.

Подручный открыл дверь машины вверх, как крыло, сел внутрь и завёл двигатель. Сначала послышалось лёгкое шипение, затем двенадцать цилиндров взревели в унисон, заполнив идиллическую загородную тишину. Автомобиль медленно тронулся, пока полностью не выехал под солнечные лучи. Адвокат начал расхваливать его, жестикулируя и указывая толстым пальцем на отдельные детали, отмечая особенности. Массимо сказал с отстранённым видом:

– Очень красива! Я почти видел, как она рождалась. Мы с Романо были хорошими друзьями. Когда она ещё была в стадии прототипа, он пригласил опробовать её, чтобы узнать моё мнение. Отличный двигатель, но та, которую я пробовал, была настоящим гробом.

---

⁶ Бизнесмен, бывший владелец автомобильного бренда Bugatti

Адвокат, который, учитывая его комплекцию, в машину даже бы не влез, почти с досадой сказал:

– Инженер, вы что, хотите её обесценить?

– Нет, нет, абсолютно! – спокойно сказал Массимо. – Это было лишь моё техническое суждение. Когда машина пошла в производство, её значительно улучшили, хотя она и продолжала иметь много «детских» болезней. В любом случае, как вы прекрасно знаете, это не для меня, я просто продаю суперкары. Могу ли я посмотреть историю автомобиля и документы?

Адвокат вынес из дома папку цвета неба, как Bugatti.

Они устроились в гостиной патио, на широких плетёных креслах с коричневыми подушками, чтобы изучить бумаги. Адвокат любезно спросил: «Вам кофе, джестив, что-нибудь другое?» Массимо, поблагодарив, попросил кофе. Адвокат сделал знак вездесущему подручному, и вскоре появилась горничная – филиппинка с большим подносом.

– Я сделал вам ксерокопии всех документов, чтобы вы могли спокойно их проверить, – сказал адвокат.

– Хорошо, благодарю вас, тщательная проверка обязательна. Не из недоверия, но вы прекрасно понимаете... из-за важности машины и суммы, – подняв глаза от бумаг, ответил Массимо. Затем он добавил: – Вы не возражаете, если я совершу короткую тестовую поездку?

Адвокат, вскочив с кресла, словно шар, покатился по лестнице:

– Конечно! Это мой долг и ваше право. – Он, покачиваясь, в сопровождении своего верного оруженосца, проводил Массимо к машине и, махнув рукой, сказал: – Прошу, садитесь!

Несмотря на то, что Массимо годами привык управлять такими машинами, для него по-прежнему это был лучший момент дня. Он никогда не чувствовал себя так комфортно, как за рулём автомобиля. Уверенным движением он взялся за рычаг переключения передач, левая нога погрузилась под приборную панель, правая решительно нажала на педаль акселератора, и двигатель, работающий на высоких оборотах, выдохнул сжатый воздух. Казалось, шум исходил прямо из его сердца, набирая дыхание между толчками V12 с четырьмя турбинами.

Шестьсот десять лошадиных сил, передаваемых на четы-

ре ведущих колеса, подобны порезу бритвой по асфальту. Ускорение, чуть более трёх секунд до 100 км/ч, на мгновение лишает мозг достаточного кровоснабжения, вызывая лёгкое ощущение обморока, которое тут же компенсируется выбросом адреналина, поднимающегося так же быстро, как и обороты двигателя.

Массимо, в пределах ограничений, которые позволяла дорога, переключал передачи, словно отщёлкивал бусины чётков. За несколько секунд он перешёл на скорость двести километров в час, чуть впереди был правый поворот, он ударил по тормозам и точными движениями быстро переключил три передачи вниз: Bugatti прошла поворот, как поезд по рельсам, оставляя его позади с яростной самоуверенностью. Массимо хотел бы остаться на трассе с Bugatti надолго, чтобы насладиться этим слиянием до конца. Тестовая поездка казалась подобна прерванному половому акту.

Он подумал, что машина неплохая, а цена, которую просил адвокат, была особенно выгодной – 800 тыс. евро. Но это тоже вызывало подозрения, слишком уж выгодно. Обдумав всё, он вернулся на виллу.

– Хорошо, адвокат, пока мне больше нечего у вас спрашивать. Машина неплохая, если не считать некоторых проблем с настройкой, турбины, которая не ладит с остальным,

и тормозов, их нужно пересмотреть.

– Не говорите мне о технических проблемах, я едва ли знаю, что такое двигатель, – ответил адвокат с фальшивой любезностью, скрывая некоторое раздражение. – Если вы, как эксперт, говорите так, я вам верю. Ну что? Заключаем сделку?

– Не считите это недоверием, но у машины было несколько владельцев, и мне нужно проверить документы, – с любезной отстранённостью сказал Массимо. – Кроме того, я должен доложить своему клиенту и получить полное подтверждение его готовности к покупке. В течение сорока восьми часов я вам сообщу.

Кто знает, может, адвокат насмотрелся слишком много серий телепередачи «Автомобильные сделки» и думал, что достаточно просто пожать руки и получить чемодан с 800 тыс. евро наличными. Холодные глаза ещё больше сузились, адвокат стиснул зубы.

– Да, но не заставляйте меня терять время. Я ненавижу терять время.

– Мне тоже не нравится. Сорок восемь часов! Было приятно с вами познакомиться, – ответил Массимо, ничуть не

испугавших угрожающего тона.

В салоне он отдал документы Алессандре, попросив её как можно скорее их изучить. Антонио он поручил подготовил смету на работы, которые нужно выполнить на Bugatti. Попрощавшись, отправился домой.

День обещал быть долгим. У него был запланирован праздничный ужин в честь дня рождения с невестой и друзьями, но особого желания идти не было. Единственным человеком, с кем он хотел бы отпраздновать, была дочь, но она училась в колледже недалеко от Флоренции и приезжала домой только на выходные. Он собирался отпраздновать ещё раз, только с ней, в следующую субботу вечером.

Перед выходом он взглянул в iPhone. Там было несколько поздравительных сообщений и одно от Федерики: «Привет, папочка, прости за утро. Ты знаешь, у меня скверный характер, но ты иногда меня напрягаешь. Иногда я не сомневаюсь, что учусь ради чего-то, что мне, возможно, не понравится делать. Я боюсь будущего, потому что чувствую: у меня нет особого призвания ни к чему. Меня охватывает тревога и чувство вины перед тобой. Отправляю много-много поздравлений. Люблю тебя. TVB».

Массимо улыбнулся, его охватила огромная нежность. Он

ответил: «Любимая, будущее называется будущим, потому что мы его не знаем. В твоём возрасте многое меняется от года к году... Думай о настоящем, не тревожься и старайся делать то, что должна, наилучшим образом. Забудь про чувство вины передо мной, я хочу только твоего счастья. В любом случае старайся, это тебе пригодится для всего, что ты захочешь делать в будущем. А теперь перестань тревожиться, не заглядывай в будущее дальше, чем на 24 часа. В субботу отпразднуем вместе, только я и ты. Люблю тебя. TVB».

Время поджимало, и он рванул на Porsche, словно стартовал в Ле-Мане⁷. Его невеста Франческа, что было редкостью для женщины, не опоздала и уже ждала его в дверях ресторана. Массимо, запыхавшись, вышел из машины, извинился, поцеловал её. Тридцативосьмилетняя, невысокая, но сложенная идеально, с красивым дерзким лицом, тоже разведённая, Франческа была журналисткой, работала в одной из римских газет. Как иронично говорил Массимо, она была женщиной трёх качеств: упрямая, обидчивая и собственница.

Франческа, нежно поглаживая его руку, шутливо сказала:

– Пятьдесят лет! Мне стоит беспокоиться?

---

⁷ Гонка на выносливость во французском городе Ле-Ман, которая длится 24 часа

– О чём? – рассеянно ответил он.

– Ну, о кризисе пятидесятилетия! Говорят, мужчины в пятьдесят лет теряют голову, бросают жён и убегают с какой-нибудь девчонкой.

– Любимая, но я уже с девчонкой! Очаровательной тридцативосьмилетней девчонкой, – ответил он, зная, как не разжечь во Франческе опасный огонёк.

– Ты такой убудок, но я тебя очень люблю, – сказала Франческа, застигнутая врасплох.

Его друзья были там, перед рестораном, ждали его. Как только они увидели Массимо, затаили беспорядочно и фальшиво: «Потому что он хороший парень, потому что он хороший парень...» Массимо остановил их жестом руки: «Стоп! Не будем выставлять себя напоказ».

Там был Вальтер, стоматолог, друг со времён старшей школы, всегда готовый пошутить, но за его весельем скрывалось большое эмоциональное смятение. Практически брошенный при рождении матерью, которая была немного распутной, и отправленный в интернат эгоистичным и равнодушным отцом, он и во взрослом возрасте носил в душе

незажившие раны. Вальтер всегда пытался компенсировать утраченную привязанность родителей любовью женщины, но к старым ранам добавились новые: развалившийся брак – жена завела связь с коллегой по работе, различные неудачные отношения. Последняя женщина, Сесилия, действовала только в своих интересах, поняв уязвимость Вальтера, пользовалась им.

Там был Массимилиано, строитель, тоже давний друг. Вечный холостяк. Невысокий, но очень обаятельный, он перешёл от жизни в разгуле к почти монашеской и здоровой, что было также продиктовано его выраженной ипохондрией. С ним пришла Мариса, красивая женщина, с которой он жил два последних года.

Там была незаменимая Симона, его бывшая, которая за десять лет стала его самой близкой и верной подругой. После его дочери Федерики, возможно, Симона была человеком, которого он уважал и любил больше всех. Эмпатичная, солнечная, умная, предприимчивая, щедрая, всегда готовая помочь другим, но никогда себе. Она была центральным элементом баланса жизни Массимо.

Наконец, пришёл Андреа, антиквар, вдовец, старый друг по приключениям, увы, вечно борющийся с алкоголизмом. На вид такой сильный и уверенный, а на деле слабый и хруп-

кий.

Пьетро, друг и владелец ресторана, усадил их за красивый столик во внутреннем саду. Он почти сразу вернулся с бутылкой шампанского в сопровождении двух официантов с подносами, полными аппетитных закусок, и сказал: «Это за мой счёт! Сердечные поздравления, дорогой инженер, и приятного аппетита всем!»

Это были его лучшие друзья, но Массимо словно отсутствовал, погружённый в свои мысли, слыша лишь гул голосов. Внезапно его пробудила крепкая хватка руки Франчески и неприятный голос Сесилии, которая навязчиво повторяла: «Вы прекрасная пара. Чего вы ждёте, чтобы пожениться?» Массимо посмотрел на Франческу, затем огляделся и встретился взглядом с Сесилией. Он не сразу услышал её голос, но видел, как двигается её рот, не издавая ни звука. Она казалась рыбой в аквариуме. Затем послышалось:

– ...да-да-да, вы, мужчины, вечно ведёте себя как мальчишки, а мы за вами бегаем... Чего ты ждёшь, чтобы на ней жениться?..

Массимо, внезапно очнувшись, прежде чем ответить, посмотрел на Вальтера, как бы извиняясь за то, что собирался сказать.

– Дорогая Сесилия, я уже проходил через это. К тому же, простите за прямоту, это наше дело! Если ты говоришь так, чтобы косвенно передать сообщение своему жениху Вальтеру, я отвечу за него: он тоже уже проходил через это!

Вальтер посмотрел на него с пониманием и благодарностью. Сесилия же, с покрасневшими от злости и выпитого глазами, сказала:

– Ты, как всегда, груб и высокомерен. Бедная Франческа!

Очень вовремя вмешалась добрая Мариса, желающая разрядить обстановку.

– Видите, как странна жизнь: Массимилиано хочет на мне жениться, а я нет. Нам так хорошо вместе, что изменит свадьба? Хватит глупых споров. Поднимем бокалы за нашего именинника!

Очередной тост развеял тучи маленькой бури, и компания возобновила обычные разговоры.

Перед тем как появился судьбоносный торт с пятьюдесятью свечами, Вальтер, поднявшись, сказал: «Массимо, пойдём покурим!» Они прошли в небольшой салончик в углу

сада, отведённый для курящих. Уселись в удобные плетёные кресла, закурили.

– Прости за Сесилию, она и так сама по себе навязчивая, а когда выпьет, совсем себя не контролирует.

Массимо с любовью поглядел на друга.

– Ты тоже прости, но у меня был ужасный день, а потом я не выношу такого вторжения в мою личную жизнь. Франческа и так уже достала меня с этой историей о совместной жизни, только Сесилии и не хватало, чтобы добить окончательно.

– Знаешь, как я говорю? Мир прекрасен своей испорченностью, – едко рассмеялся Вальтер. – Всю жизнь я магнит для стерв. В прошлом я даже пытался прервать эту цепь: дважды пытался покончить с собой, но потерпел неудачу. Даже в этом я потерпел неудачу! Но теперь я нашёл нужного убийцу! На этот раз у меня получится!

– Что это за бред про убийцу? – Массимо с любопытством и удивлением посмотрел на друга.

– У меня рак печени. Мне дали три месяца жизни, – ответил Вальтер, сохраняя ироничную и беззаботную улыбку.

Массимо, помолчав, нежно обнял его.

– Если тебе будет плохо, лучше уходи. – Он помедлил и добавил: – В любом случае, не думай, что так просто отделаешься, ты будешь со мной на всю оставшуюся жизнь.

Подоспел торт с пожаром из пятидесяти свечей, соседи по столику одобрительно улыбнулись и лениво захлопали. Массимо глубоко вдохнул и сдул, как торнадо, то, что осталось от его пятидесяти лет. Вальтер стоя открыл бутылку шампанского и, подняв бокал, сказал: «Я пью за друга, за брата, за отца, которым ты был для меня все эти годы». Звон бокалов наполнил воздух, на мгновение прервав странную, почти религиозную тишину, которая образовалась после тоста. Затем всё ожило, смех и гул голосов снова взяли верх, всё вернулось на круги своя, как будто ничего и не произошло. Настоящее уже стало прошлым, а будущее только начиналось.

Празднование закончилось. Массимо взглянул на часы, и Франческа тут же спросила:

– У тебя свидание?

– Я любовался твоим подарком и смотрел, сколько времени осталось до того, как я вернусь домой и займусь любовью

с тобой.

Франческа, зная страсть Массимо к часам, только что подарила ему JWC Porsche Design из титана.

Они почти подошли к машине Массимо, когда тот заметил странное транспортное средство, припаркованное во втором ряду перед кафе-мороженым. Страсть к моторам заставляла его вести себя как ребёнок. Заворожённый, он остановился, чтобы рассмотреть транспортное средство с обтекаемой передней частью и двумя колёсами впереди, мотоциклетным рулём, огромным и удобным сиденьем, большим колесом сзади. Он рассмотрел каждую деталь и прочитал название: CAM AM SPYDER GRAN SPORT ROADSTER⁸. Оно мгновенно вызвало у него чувство свободы, неудержимое желание отправиться в долгое путешествие без цели.

Франческа, дёргая его за куртку, сказала:

– Ты никогда не повзрослеешь! Всегда играешь со своими игрушками.

Он, захваченный мечтами о приключениях, рассеянно произнёс:

---

⁸ Трицикл компании Bombardier Recreational Products (Канада)

– Что ты сказала, амоге mia?

– Ты так увлечён, что даже не слушаешь меня. Не волнуйся, я ничего не сказала, повторять всё равно бесполезно, – она ответила раздражённо.

– Но что с тобой? Почему ты сердишься? Ты что, ревнуешь к этой трёхколёсной штуковине? – Массимо был удивлён её тоном.

– Я ревную ко всему: к твоим игрушкам, к твоим друзьям, к твоей работе, к твоей дочери, потому что я всегда на последнем месте. Я всегда последняя!

Она не успокаивалась.

– Любимая, что ты такое говоришь? Что ты несёшь? Ты слишком много выпила? – он старался сохранить примирительный тон.

– Теперь ты ещё и пьяной меня называешь! – выкрикнула Франческа, потеряв контроль над собой. – Оскорбляешь меня, а перед этим оскорбил Сесилию за то, что она посмела говорить тебе о свадьбе. Конечно, ты выше всех, никто тебе ничего не может сказать, всё должно быть по твоим приказам. Мы не можем жить вместе, потому что ты не хочешь за-

деть чувствительность дочери, мы не можем пожениться, потому что, как ты говоришь, уже делал это. Повзрослей! Тебе пятьдесят лет!

Массимо, который до последнего момента был покладистым и добрым, оказался не в силах сдержаться.

– Вот она, женщина во всей красе! Я знаю, мне пятьдесят, я только что отпраздновал. Что мне делать, надеть тапочки и усесться перед телевизором? Играть в бочке в клубе для пожилых? Ходить по воскресеньям в церковь, держась за руки? Купить универсал Volvo и набить его ребятишками и собаками? Что я должен сделать, чтобы ты была счастлива и смирила свой внезапный гнев?

– Ничего! Тебе не нужно ничего делать, – она резко развернулась, чтобы уйти, и чуть не попала под машину, взмахнула рукой, поднятой вверх, и закричала: – Такси, такси, такси.

Водитель остановился, и в такси села худшая часть этой красивой и умной девушки.

Массимо не особо удивился, он привык к резким переменам настроения и истерикам Франчески. Он воспользовался случаем, чтобы повнимательнее рассмотреть странный авто-

мобиль. Пока он раздумывал, уверенный и приятный голос сказал: «Вам нравится?»

Массимо, застигнутый врасплох, поднял глаза на спрашивающего. Это был симпатичный молодой человек лет тридцати, высокий, атлетичный и, как все амбициозные молодые люди в этом возрасте, с бородой и татуировками. Массимо сердечно улыбнулся.

– Да! Очень интересно. Я никогда такого не видел.

Молодой человек явно гордился своим транспортным средством.

– На самом деле, это новинка для Европы. Транспортное средство канадской фирмы BRP, теперь импортируется и в Италию. Если вам интересно, я их продаю.

Массимо, прежде чем ответить, посмотрел на часы. Было пятнадцать минут первого ночи. Суеверно успокоенный тем, что неудачный день подошёл к концу и начался новый, он сказал:

– Конечно, мне интересно! Но, учитывая время, я не хочу вас задерживать.

– Да что вы, – молодой человек уже вошёл в роль продавца. – Для меня это удовольствие! Двигатель Rotax объёмом 1330 кубических сантиметров, трёхцилиндровый, мощностью 115 лошадиных сил, с шестиступенчатой секвентальной коробкой передач...

– Да-да, я понял, – прервал его Массимо. – Где находится ваша дилерская сеть? Я хочу заехать к вам и попробовать эту штуку.

Молодой человек достал визитку из куртки и протянул Массимо.

– Мы на Виа Номентана. На визитке всё есть.

Массимо поблагодарил и пообещал, что скоро придет. Витторио, как звали молодого человека, надел шлем, сел на трицикл и нажал красную кнопку стартера. Раздался пронзительный классический шум трёхцилиндрового двигателя. Витторио намеренно эффектным манёвром заставил визжать заднее колесо и в мгновение ока исчез.

Массимо, подумал: «Конечно, я приду к тебе. Конечно!»

СБОРЫ В ДОРОГУ

Размышления предыдущего дня перед зеркалом, череда неудач, которые преследовали весь день его пятидесятилетие, обнаружение странного трёхколёсного транспортного средства... Казалось, внезапно сложились кусочки загадочной головоломки, словно случайные совпадения были лишь началом неизбежных перемен.

Он упал на диван и включил альбом «Heroes» Дэвида Боуи, а в его голове начал обретать форму странный план. Он отключится от всего, уедет на месяц, может, на два, без всякой цели. Он не рассматривал это путешествие как бегство, наоборот. Желание, необходимость найти себя, найти путь, по которому идти в будущем. Он вдруг осознал, что дорога, по которой он шёл последние несколько лет, была дорогой в один конец, тупиком. Да! Он решил! Максимум через неделю он уедет.

– Витторио, доброе утро! Это Массимо, тот господин, который вчера вечером был очарован вашим трициклом. Могу я заехать через часок?

– Доброе утро. Да, конечно. Жду вас, – Витторио ответил дружелюбным и профессиональным тоном.

Витторио, глядя на только что припаркованную Porsche, сказал:

– Конечно, вы тоже не шутите, когда дело касается автомобильных игрушек.

– Автомобили и мотоциклы – моя давняя страсть, поэтому я здесь, мне не хватало только трицикла, а-ха-ха-ха-ха-ха, – ответил Массимо с дежурной улыбкой.

Тест-драйв его удовлетворил, и он купил топовую модель с полной комплектацией красного цвета. Он предпочёл бы чёрный, но красный и ещё один, немислимо жёлтый, были единственными в наличии.

– Как и договаривались, максимум через три дня я вам его доставлю. Потом мне будет приятно посетить ваш магазин, хотя, думаю, я не смогу позволить себе покупки в нём. Ваши игрушки – это не просто трёхколёсные мотоциклы! – сказал Витторио.

– Никогда не знаешь... Но поторопитесь, я уезжаю в долгое путешествие. Увидимся в четверг! – сказал Массимо, хитро улыбаясь.

Пока он ехал в машине, ему вспомнился Форрест Гамп из одноименного фильма и одна из его замечательных фраз: «В тот день, сам не знаю почему, я решил немного пробежать-

ся». Он подумал, что его трицикл – это не совсем пара беговых кроссовок, но, в сущности, намерение было тем же. Он улыбнулся.

– Алессандра, доброе утро, организуйте мне встречу на 15:00 с Антонио, Джорджио и господином Сальвати. У вас есть новости по документам на Bugatti? – сказал он, заходя в свой салон.

– Да, я оставила их у вас на столе, но, судя по тому, что я видела, как вы и говорили, с машиной что-то нечисто.

Массимо прошёл в свой кабинет и проверил документы. Первым владельцем значился арабский эмир, затем машина перешла к швейцарскому банкиру, который, в свою очередь, через несколько месяцев продал её промышленнику из Падании, наконец, её приобрела люксембургская компания. Там следы терялись, пока, неизвестно как, она не появилась в руках самозваного адвоката из Фрозиноне, который, впрочем, не являлся фактическим владельцем. От машины исходил сильный запах самогга, что подтверждалось невысокой стоимостью и условиями оплаты, запрошенными адвокатом: 50% банковским переводом, 50% наличными, в чёрную. Его клиент, серьёзный коллекционер, никогда бы на это не согласился.

Он немедленно позвонил адвокату и сообщил, что его клиент отказался от покупки. Адвокат был крайне недоволен.

Все уже собрались в конференц-зале. Массимо сел, отпил кофе, который только что приготовила Алессандра, закурил сигарету и спокойным, но решительным тоном сказал:

– Я собрал вас, чтобы сообщить, что меня не будет в компании один или два месяца. Алессандра, вы будете иметь все банковские полномочия и право подписи. Джорджио, вы, как директор по продажам, будете отвечать за продажи без моего окончательного одобрения. Бухгалтер Сальвати, совместно с Алессандрой вы продолжите заниматься сбором платежей и осуществлением выплат. Ты, Антонио, можешь спокойно работать и без меня.

– Инженер, спасибо за доверие, но вы же знаете, что это не так, – прервал его Антонио. – Мы как пара карабинеров⁹: один читает, другой пишет. А-ха-ха-ха.

– Давай, давай, ты справишься и один, – Массимо, улыбаясь, продолжил: – Итак, возвращаясь к теме совещания, я

---

⁹ Карабинеры – отдельный вид вооружённых войск Италии. Более двухсот лет назад, когда он появился, кандидатам в карабинеры предъявлялось требование уметь читать и писать. Отсюда пошла шутка.

полностью на вас рассчитываю. Уверен, вы меня не разочаруете. Я буду здесь ещё несколько дней для улаживания последних дел. Можете идти. Алессандра, оставайтесь.

Все покинули конференц-зал с вопросительным выражением на лицах. Даже Алессандра, энергичная и предприимчивая женщина, оказалась застигнутой врасплох.

– Я понимаю ваше недоумение, но ничего страшного не произошло, – сказал Массимо. – Я просто решил отправиться в долгое путешествие. Мне нужно отдохнуть, привести свою жизнь в порядок. Я знаю, что могу вам слепо доверять, как и другим сотрудникам. Поэтому я уезжаю со спокойной душой. Я буду давать о себе знать не чаще раза в неделю, а вы связывайтесь со мной только в случае крайней необходимости. Вы вполне можете справиться сами. У вас есть вопросы?

– Не знаю, возможно, у меня была бы тысяча вопросов к вам, но, как вы говорите, мы должны справиться сами. Можете на нас рассчитывать! Спасибо за доверие.

– Спасибо вам!

Самая трудная часть плана была связана с дочерью, не только из-за её реакции, но и из-за того, как трудно ему было с ней расставаться. Но и это расставание, вероятно, помо-

жет ему найти себя. С момента рождения Федерики каждая мысль, действие, решение были обусловлены благополучием и счастьем дочери, часто в ущерб его собственному. Быть отцом стало самым трудным опытом и занятием, с которым он когда-либо сталкивался в жизни, возможно, именно это у него получалось лучше всего.

Массимо отправил дочери сообщение: «В пятницу я сам за тобой приеду в школу, так мы сможем немного поговорить по дороге домой». Вскоре Федерика ответила: «Вау, супер! Тогда мне не придётся ехать на поезде. Но что случилось?» Он ответил: «Дорогая, ничего особенного. Увидимся в пятницу». Как только он отправил сообщение, его охватило сильное чувство вины, беспокойства, будто он бросает дочь, он никогда не расставался с ней более чем на 24 часа.

Наконец наступил четверг, день получения трицикла. Витторио сообщил, что транспорт готов. Массимо, как мальчишка, бросил все дела и помчался забирать свою игрушку, надежду на свободу. В автосалоне Витторио вышел к нему с приветливым и дружелюбным видом.

– Добрый день, инженер, ваша игрушка готова к крещению асфальтом. Зная о вашем предстоящем долгом путешествии, мы провели супертехобслуживание и суперпроверку. Мы установили все сумки и аксессуары, которые вы проси-

ли. Это настоящее сокровище, и я рад, что оно попадёт в руки эксперта по моторам.

– Спасибо, Витторио, вы очень любезны. Надеюсь, ваш трёхколёсный друг повезёт меня по миру без проблем. Кстати, вы подготовили список сервисных центров по всей Европе? Никогда не знаешь, что понадобится в пути.

– Всё в этой папке, кроме того, я подарил вам услугу помощи и эвакуатора, которая действует по всей Европе и за её пределами. Будьте спокойны, я обо всём позаботился.

Массимо, оказавшись в седле странного и завораживающего аппарата, попрощался с Витторио.

– Знаете, инженер, я вам немного завидую. Хотел бы и я иметь смелость всё бросить и пуститься в фантастическое приключение, – искренне сказал тот.

– Вы молоды. У вас получится! Когда вы потеряете себя, вы попытаетесь найти, – Массимо глянул с любовью, как отец.

Он улыбнулся, нажал красную кнопку стартера: мотор глухим звуком разорвал неловкость момента, и Массимо исчез, поглощённый уличным потоком.

– Привет, Роза. Хотел заранее сказать, что уезжаю на один-два месяца по Европе. Это связано с работой, да и мне самому нужно развеяться. В пятницу я заберу Федерику из Флоренции и сообщу ей новость. Не знаю, как она отреагирует, но я уже решил. Потом поговорим лично, когда я привезу тебе Федерику.

– И когда ты решил уехать? – удивлённо и с фальшивой любезностью спросила бывшая жена.

– В субботу или воскресенье.

– Ах, вот так, почти без предупреждения? На днях! Конечно, ты же сокол, который свободно парит в небе и смотрит на всех сверху вниз, – Роза была явно раздражена.

– Прости, Роза, я не понимаю твоего тона и намёков, – ответил он, сохраняя ангельское спокойствие. – Мы в разводе уже много лет, я никогда ничего не жалел ни для тебя, ни для нашей дочери. Я взрослый и свободный человек. Что я должен делать? Спрашивать у тебя разрешения?

– Ты всегда был свободным человеком и всегда занимался своими делами. Ты – человек высшего порядка, тебе не нужно ни у кого спрашивать разрешения! – она всё больше

горячилась от его спокойного и саркастичного тона.

– Да, да, хорошо, как скажешь, – перебил её Массимо, понимая, что это может продолжаться часами. – Увидимся в пятницу вечером, когда привезу Федерику. Сейчас мне звонят из мастерской.

Он повесил трубку, прежде чем она успела что-то добавить или попрощаться.

Рози была красивой женщиной, умной и порядочной, но их несовместимость была настолько велика, что отношения не могли продлиться долго. Этого она ему никогда не прощала и, вероятно, не простит даже после смерти.

Он приехал в колледж, немного опоздав, и, оглядевшись в поисках дочери, увидел её неподалёку, в небольшой группе одноклассников: двух мальчиков и трёх девочек. Федерика была лидером, об этом говорили учителя с начальных классов. Красивая девушка, невысокая, но с лицом, похожим на фарфор Каподимонте¹⁰; серо-зелёные глаза были способны загипнотизировать даже слона. Умная, более зрелая для своего возраста и с бунтарским характером, она стояла в центре внимания. У неё был такой вид, словно она злилась на весь мир.

---

¹⁰ Название королевского дворца династии Бурбонов в Неаполе

Массимо коротко посигналил и помахал из окна машины. Его заметила подруга дочери: улыбнувшись, она помахала в ответ и позвала Федерику. Они поздоровались и обнялись так, будто не виделись тысячу лет.

Садясь в машину с присущей ей мальчишеской грацией, дочь сказала: «Привет, папочка, как дела? Поехали скорее есть, я так голодна, что ничего не вижу!»

Уступив настояниям Федерики, они остановились чуть дальше, в придорожной закуской для дальнобойщиков (гарантия отличной и обильной еды). Забыв о диете, которую регулярно начинала и бросала каждую неделю, она заказала карбонару, стейк на гриле и, конечно же, картошку фри. Массимо взял только тальяту из говядины и салат из полевой руколы. Пока они ели, Федерика высоким и взволнованным голосом перечисляла длинный список жалоб: гувернантка в пансионе – стерва; учительница математики её ненавидит, как и учительница английского и испанского; соседка по комнате крадёт одежду; парни все инфантильные и ублюдки и так далее, и так далее. Отец терпеливо слушал, высказываясь, когда это было необходимо, в её пользу, иногда – против, когда считал объективно справедливым, деликатно указывая, что в данном случае она неправа. Спаси Господи!

– Вот, теперь ты тоже туда же! Всегда против меня. Хватит! Я больше ничего тебе не расскажу.

– Любимая, я не против тебя, но ты не можешь думать, что всегда права, – отец спокойно и терпеливо пытался объяснить свою точку зрения. – Многие вещи, которые с тобой случаются, ты сама себе устраиваешь вызывающим поведением, выражением лица, которое говорит больше, чем слова, тоном, который ты используешь, и твоей проклятой философией «сломаюсь, но не согнусь». Умение гнуться, что не означает быть трусом или раболепным, – это зрелое и умное поведение. Гнуться – значит не врезаться в стену, значит пытаться замедлиться и свернуть, чтобы сделать удар менее разрушительным. Там, снаружи, жизнь сурова, и если ты не научишься приспособливаться, она тебя ломает!

Взгляд дочери дал ему понять, что он в очередной раз напрасно потратил время и слова.

В глубине души эта часть характера Федерики ему нравилась, но в то же время, будучи отцом, он боялся, что её будет больно. Эти дети! Мы пытаемся формировать их по своему образу и подобию, с предположением, что мы совершенны, забывая, что они автономные личности и что их уникальность является самой увлекательной частью челове-

ской природы.

Они свернули на шоссе в сторону Рима, был прекрасный солнечный день конца сентября, казалось, что лето продолжается, игнорируя календарь. Внезапно Федерика сняла наушники, которые, увы, недостаточно заглушали скучную, удручающую, вульгарную рэп-музыку, которую она слушала, и нежным голосом, тем самым, которым она говорила, когда ей приходилось просить об одолжении, сказала:

– Папочка, ты дашь мне немного поводить машину?

– У тебя нет водительских прав.

– Но это же просто бюрократическая формальность, ты же знаешь, что я умею водить, – сказал она ангельским голосом.

– Да-да, знаю, но бюрократическая формальность, как ты её называешь, может мне стоить конфискации машины, лишения прав и так далее, – выговаривал Массимо, внутренне уже смирившись.

Федерика на самом деле водить умела, даже хорошо. Отец, бывший гонщик, посадил её за руль карта в пятилетнем возрасте и сказал: «Жми на педаль и вперёд!» У неё был природный талант, она выиграла множество трофеев, затем

перешла в Formula Junior¹¹ и выиграла итальянский чемпионат. Были выступления в классах Turismo и Gran Turismo¹², но потом, как это было в её характере, она бросила с банальным оправданием: «Мне стало скучно». Отец немного расстроился, но не стал перечить, он никогда бы не заставил её делать то, чего она не любила и не чувствовала на сто процентов. Она была такой, будто никогда не хотела доводить дела до конца, или будто её больше стимулировало постоянно начинать что-то новое, принимать вызовы.

Массимо остановился на обочине, вышел из машины, настороженно огляделся, уступил место за рулём Федерике, которая, тронувшись с места, оставила на асфальте две чёрные полосы.

– Эй, успокойся! Ты не на трассе, если нас поймают, мы проведём ночь в тюрьме Regina Coeli!

– Не волнуйся, папа, – ответила она со зловещей улыбкой.

– Да-да, «не волнуйся», уже умер! А-ха-ха-ха-ха-ха.

Массимо наблюдал, как она ведёт машину, и довольно улыбался. Было приятно видеть, как девчонка полностью

---

¹¹ «Формула-юниор» – класс гонок на автомобилях с открытыми колёсами

¹² Класс высокоскоростных автомобилей

контролирует более чем четыреста лошадиных сил на четырёх колёсах. Она была уверенной, точной, осторожной, но быстрой, вела с безмятежным лицом, зелёные глаза, словно лазеры, быстро сканировали каждый сантиметр длинной полосы серого асфальта. Когда проехали около пятидесяти километров, Массимо сказал:

– Прижмись к первой обочине, не будем слишком злоупотреблять удачей. Ты молодец, жаль, что ты всё бросила.

– Ууууф, ладно, давай, не будем больше об этом. Сейчас прижмусь, – Федерика, закатив глаза, выдала одну из своих гримас.

Он привёз её к матери. Они договорились встретиться на следующий день, чтобы отпраздновать его день рождения и попрощаться перед отъездом.

В тот вечер он должен был увидеться с Франческой и уже предчувствовал бурю. Франческа ещё ничего не знала о его отъезде и, несомненно, должна была воспринять это очень тяжело. Они поужинали на открытой террасе в «Джильдо», маленьком ресторанчике в Трастевере. Сам Джильдо умер много лет назад, и их обслуживала его дочь. Каждый раз, когда Массимо видел её, его пробирал озноб. Она была точной копией отца, даже в жестах и манере говорить, что под-

тверждало его теорию о том, что дети – это бессмертие. Человек умирает по-настоящему только тогда, когда его кровь перестаёт течь в чьих-либо венах. Ливия с сердечной улыбкой принесла десерт: лимончелло для Франчески и очередной кофе для Массимо.

– В понедельник я уезжаю, – его короткая фраза нарушила тишину.

Франческа, держа рюмку лимончелло, подняла на него глаза.

– Ты мне ничего не говорил. Куда ты едешь?

– Точно не знаю, буду отсутствовать два или три месяца, – он, опасаясь её реакции, ответил спокойно, тоном человека, желающего преуменьшить серьёзность новости.

Дрожащей рукой поставив рюмку с лимончелло на стол, она прищурила глаза, ставшие похожими на лезвие ножа.

– Два или три месяца? – повторила ошеломлённо. – Когда ты собирался мне об этом сказать? Ты с ума сошёл?

Он, взяв её за руку, ободряюще улыбнулся.

– Не принимай так близко к сердцу, решение пришло ко мне на неделе. Я потерял контроль над собой, не знаю, кто я, несчастен, хочу попробовать найти себя. Единственный способ – порвать со всем и со всеми. Непростое решение, но я должен это сделать! Ради себя, ради дочери, ради тебя, ради нашего будущего. Не знаю, как объяснить. Надеюсь, ты сможешь понять.

Как ни странно, лицо Франчески просветлело, и она глядела на него напряжённо и была почти тронута.

– Думаю, я тебя понимаю. Делай то, что считаешь лучшим для себя, несчастный мужчина мне ни к чему. Я буду ждать тебя, как всегда.

Массимо был поражён её реакцией и словами, он знал, что она умная женщина и любит его, но не до такой же степени.

– Спасибо за понимание. Я постараюсь вернуться лучшим, – сказал он мягко.

Массимо был человеком точным, дотошным, организованным, но в то же время непредсказуемым и импульсивным. Ему нужно было всегда всё держать под контролем, иначе он терялся и впадал в панику. Где окончится путешествие, которое ему предстояло, было неизвестно, но органи-

зация отъезда была доскональной. От технической одежды, которую он собирался надеть, до тщательного выбора немногих вещей, которые он возьмёт с собой, от базовых лекарств до разнообразных полезных предметов, ничего не оставляя на волю случая. В трёх жёстких сумках, которыми был оборудован трицикл, не было ни грамма лишнего, бесполезного. Когда Массимо что-то организовывал, у него был дар видеть общую картину, словно фильм проецировался в его сознании. Это позволяло ему предвидеть непредвиденное и всегда иметь инструменты для преодоления затруднений, по крайней мере, он на это надеялся. Когда он был гонщиком, такое свойство давало ему преимущество, за исключением случаев, когда страстный и импульсивный характер сводил всё на нет.

Телефонный звонок прервал подготовку.

– Привет, папочка, во сколько ты за мной заскочишь?

– Около трёх, захвати шлем, у меня сюрприз!

– Что это? Очередной раритет на двух колёсах? – иронично сказала она.

– Не умничай, потом увидишь! Ты будешь в восторге!

– Ладно, ладно... увидимся в три, – она ответила неизменно обесценивающим подростковым тоном.

Федерика застыла, глядя на отца рядом с трициклом.

– Нееееет, офигеть! Слишком круто! Где ты нашёл эту штуковину?!

Она обняла отца, не в силах отвести взгляд от трицикла.

– Я же говорил, что тебя это удивит.

– Просто офигеть, офигеть! Можно прокатиться самой?

– Потом. А сейчас залезай, мы едем во Фреджене¹³ ловить последние лучи солнца, – ответил он гордо.

Странный трёхколёсный аппарат привлекал больше внимания, чем фисташковая Lamborghini. В шлемах, закрывавших их лица, они выглядели как влюблённая парочка. Она в джинсах, где дыр было больше, чем ткани, светло-серой толстовке Tommy Hilfiger, белых кроссовках Nike, длинные каштаново-русые волосы развевались на ветру. Он – в таких же джинсах, но с меньшим количеством дыр, чёрной кожа-

---

¹³ Курортный район, расположенный в 30 км от Рима на берегу Тирренского моря

ной куртке и мокасинах Tod's. Трёхцилиндровый двигатель угрожающе рычал, звук сливался со свистом ветра к радости этих двух фанатов моторов.

Чуть меньше чем через полчаса они были перед своей виллой во Фреджене: электрические ворота с лёгким колебанием открылись и тут же закрылись, как только они съехали и припарковались. Они были счастливы, что весь солнечный день проведут вместе, и побежали переодеваться, чтобы пойти на пляж.

Стоя рядом с дочерью на пляже, он на мгновение усомнился в своём решении уехать. Как он сможет прожить два месяца без неё? Не видеть, не обнимать, не целовать? Для него это была самая трудная и критическая часть подготовки. За пятнадцать лет он ни разу не расставался с ней дольше чем на сутки. Только когда она поступила в колледж, расставания стали неизбежно более долгими. Он прогнал мрачную мысль из головы, поднял глаза к синему небу и, взяв дочь за руку, сказал: «Помнишь, что я тебе говорил, когда ты была маленькой? Кто последним заходит в воду, тот не ест мороженое!» Словно два ребёнка, подняв облако песка, они со всех ног бросились к морю.

Массимо, лёжа в шезлонге, наслаждался закатом, всегда волнующим, и наблюдал за чёрным силуэтом, купающимся

в красном море на фоне заходящего солнца. Он поднял руку, чтобы позвать Федерику обратно, и она помахала ему в ответ. Воздух стал прохладным, и Массимо пошёл ей навстречу с полотенцем, чтобы укутать её и не дать замёрзнуть. Когда он накинул ей полотенце на плечи, Федерика с раздражением сказала:

– Уф, ты хочешь меня задушить? Ты всегда обращаешься со мной так, будто мне пять лет.

Он ничуть не обиделся.

– Ах, да, я забыл, что ты взрослая женщина, почти старая развалина.

Она улыбнулась и бросила ему полотенце.

– Ты старый развалина. Накройся!

Они рассмеялись.

– Куда пойдём есть?

– Куда же, как не в место для влюблённых? – Массимо утонул в зелёных глазах дочери.

– И что это за место? – дерзко парировала она.

– К Сальваторе в Деревню рыбаков, конечно.

– А, ну да, туда, где собираются красавчики. Цены, правда, там кусаются, но кормят хорошо!

Большая деревянная платформа на пляже вмещала около тридцати столиков, почти все были заняты. Официант проводил их к заказанному столику, одному из лучших и самому близкому к морю. В центре стола стояла цветочная композиция, как задумал Массимо, горели две свечи в стеклянных подсвечниках. Они действительно были красивой парой, что подтверждали одобрительными улыбками некоторые посетители.

Во время еды Массимо прокручивал в голове, что должен сказать дочери, но не находил в себе смелости. Затем, когда он в очередной раз повторял про себя фразы, он услышал, что говорит вслух и сам удивился.

– Доченька, папа должен тебе кое-что сказать, и я надеюсь, ты поймёшь. Ты уже достаточно взрослая, чтобы понять.

– У тебя новая девушка? – спросила Федерика с набитым ртом, подняв глаза от креветок.

– Нет, что ты придумала! Я всё ещё с Франческой, – он был застигнут врасплох таким вопросом.

– Ну, скажи правду, скольких ты приводил сюда, в это романтическое местечко? – Федерика с заговорщицким видом не желала отступить от темы.

– Что за вопросы ты мне задаёшь? Не знаю... кое-кого... – он был почти смущён и глуповато улыбался.

– Да-да, кое-кого... – сказала она лукаво.

– Доченька, папа будет отсутствовать пару месяцев, – Массимо посерьёзnel.

Она широко распахнула глаза.

– И куда ты едешь?

– Точно не знаю куда, я отправляюсь на трицикле и показуюсь по Европе. Я переживаю критический момент в жизни, и мне нужно отвлечься, найти себя.

– Значит, мне придётся два месяца сидеть у мамы? Ты с ума сошёл. И хочешь свести с ума меня, – сказала она с

цинизмом, присущим молодёжи, внешне не обеспокоенная временной потерей отца.

– Не ставь себя так с мамой, ты же знаешь, мне это не нравится. Проблема ваших постоянных ссор в том, что у вас одинаковые характеры, от папы ты взяла только лицо. Поэтому ты и красивая! А-ха-ха-ха-ха-ха-ха...

Он почти обиделся, что проблема не в его отсутствии. Шутка отца заставила Федерику улыбнуться, но губы она всё-таки надула.

– Папочка, я буду скучать, потому что, хоть мы и ссоримся постоянно, ты мой любимый папочка, но если тебе нехорошо, если тебе нужно, как ты говоришь, найти себя, то поезжай. Делай, что должен делать. Но когда вернёшься, ты привезёшь мне кучу подарков. А лучше, прежде чем что-то мне покупать, сфотографируй и пришли мне по телефону. Если я скажу «ок», тогда покупай.

– Да, моя госпожа! – сказал он спокойно и смиренно, с долей иронии. Затем добавил: – Я тоже буду скучать по тебе, по твоему скверному характеру и твоим подлым поцелуям. Долгое время ты была единственным препятствием на пути моего решения уехать. Потом я подумал, что ты поймёшь; в

любом случае тебе нужен отец, который смотрит в будущее, а не в прошлое, классный отец, а не депрессивный зануда.

– Классный, ты классный, так говорят и мои друзья, а насчёт зануды, надеюсь, ты немного исправишься. Теперь дай мне попробовать эту штуку.

Массимо достал из кофра ветровку и протянул дочери.

– Надень, похолодало.

– Но мне жарко до смерти! Зачем мне нужно надевать? – она раздражилась.

Массимо, который не выносил её уличного жаргона, сказал:

– Во-первых, говори по-итальянски, во-вторых, если хочешь покататься, надень ветровку.

И она надела.

– Ох, ты прямо зануда!

Массимо не пришлось давать ей много инструкций, в мгновение ока Федерика всё поняла. Она запрыгнула на си-

день и завела мотор. Прежде чем уехала, Массимо сказал: «Внимание, не стартуй на полную, это странная штука со странным поведением, сначала немного освойся, а потом уже резвись. Я выкурю сигарету и буду ждать тебя здесь. Ох, не возвращайся через полчаса. Ладно?» Она уже уехала, и её «ладно» эхом разнеслось в воздухе.

Рёв на грани возвестил о возвращении Федерики. В мгновение ока она сняла шлем, глаза были возбуждены улыбка сияла.

– Это круто! Когда вернёшься, ты должен мне её одолжить, она действительно классная!

Он глядел на неё с гордостью и нежностью.

– Ты такая же сумасшедшая, как твой отец.

В тот вечер они болтали до глубокой ночи. Федерика, что было редкостью, захотела открыться и, словно вышедший из берегов поток, без конца говорила о друзьях, школе, своих первых влюблённостях, сомнениях, страхах, мечтах. Массимо не мог упустить такой возможности и слушал с интересом, лишь изредка вмешиваясь с советами и заверениями. Наконец, измученный, но счастливый от стольких откровений, он сказал:

– Сегодня ты напомнила мне себя маленькую, когда ты говорила, говорила, говорила часами, а я отвечал: если бы у меня была кнопка, чтобы тебя выключить, ты была бы идеальной девочкой. А-ха-ха-ха-ха.

Она сделала вид, что обиделась.

– Не хочу тебя обидеть, но ты тот ещё ублюдок, – Потом обняла его за шею и, крепко прижав, сказала: – Спокойной ночи, папочка, ты лучший на свете.

Массимо разбудил настойчивый и раздражающий звонок телефона; прежде чем ответить, он посмотрел на часы – было почти полдень, затем на экране прочитал имя – Сесилия, и ответил:

– Привет, Сесилия, чем обязана такому раннему звонку?

– Умер Вальтер, – сказала она после небольшой паузы.

Массимо почувствовал, как две ледяные руки сжали его желудок, лишив дыхания.

– Как? Так внезапно? – голос у него был сдавленный.

– Он покончил с собой. Сегодня утром я проснулась рано, его не было. Я подумала, что он вышел, пошла в гараж посмотреть, нет ли машины, подошла, почувствовала запах дыма, слышала жужжание, доносившееся изнутри, подняла ворота, меня окатило облако едкого, удушливого дыма. Я чуть не задохнулась. Инстинктивно я сделала несколько шагов назад и прикрыла нос и рот краем халата. Я сразу поняла, что произошло, ты же знаешь, какой он был, да? Он никогда бы не согласился ждать, пока умрёт в мучениях. Он всегда хотел сам решать, когда умирать.

Новость на мгновение облегчила Массимо, ведь подумал, что теперь его друг не будет долго мучиться, но тут же его захлестнула скорбь от потери.

– Я сейчас в Фреджене с Федерикой, заеду к вам днём.

Он откинулся на кровать и, уставившись на потолок, испещрённый полосами света, пробивающимися сквозь жалюзи, с ясной холодностью размышлял о боли, которую испытываешь, теряя близкого человека. Страдаешь не по умершему, а по себе, по его отсутствию, по тому, чего тебе будет не хватать, о чём больше не сможешь спросить, чего он больше не сможет дать. Полосы света на потолке расплылись, и лёгкое щекотание на щеках заставило его понять, что он плачет.

Затем ворвалась жизнь, наглая, сильная, властная. Федерика грациозно запрыгнула на кровать, заставив его вздрогнуть.

– Доброе утро, папочка, завтрак готов? – Сразу же она заметила слёзы отца и, вытирая их, тихо и испуганно спросила: – Папа, что случилось? Почему ты плачешь?

– Умер Вальтер.

– Дядя Вальтер? Боже! Но как?

– Он очень болел. У него была страшная болезнь, и сегодня ночью он ушёл, – Массимо утаил часть правды.

Она крепко обняла его, и тепло её жизни в одно мгновение растопило тот погребальный лёд, что его окутал.

Ворота виллы на Джустиниане были открыты, Массимо припарковался снаружи, в маленьком саду собралось около десяти человек, среди них родственники и друзья. Сесилия, увидев его, пошла навстречу. Она казалась внезапно постаревшей на десять лет. Не то чтобы они когда-то особенно нравились друг другу, но общая любовь к Вальтеру в одно мгновение стёрла старые личные обиды. Массимо обнял её,

не сказав ни слова, позволив объятию передать всю его боль и соболезнования.

Он торопливо поздоровался с присутствующими. Но не пожелал видеть труп друга, не из трусости, а потому, что, как и при любом другом трауре, он никогда не хотел, чтобы последнее безмолвное, холодное, статичное изображение замутило его воспоминания. Он хотел, вспоминая Вальтера, мысленно видеть его улыбку.

Массимо отвёл Сесилию в сторону и почти авторитарным тоном сказал:

– Отдай мне его шлем.

Сесилия была сбита с толку странной просьбой.

– Какой шлем? О чём ты?

– Его мотоциклетный шлем. Я хочу взять его с собой. Я знаю, что он хотел бы этого.

– Ах, да, его шлем. Когда он говорил о твоём скором отъезде, у него загорались глаза. Да, он хотел бы поехать с тобой.

Она вынесла из дома шлем в стиле Easy Rider¹⁴, со звёздами и полосами, отдала Массимо, другой рукой сжимая его руку: «Возьми его с собой. Счастливого пути». Он сел в машину, положил шлем на соседнее сиденье, поглаживая его, как будто гладил голову друга, завёл мотор и сказал: «Поехали».

Прощаясь с Федерикой у дверей колледжа, он почувствовал, как будто что-то оборвалось в сердце, ему хотелось покинуть своё тело и укрыться в рюкзаке дочери – единственное место, где он чувствовал себя по-настоящему комфортно, было там. Он попытался скрыть волнение, взял её лицо в ладони и нежно поцеловал в губы. Всё ещё держа её так, он сказал:

– Папа с тобой, всегда! Веди себя хорошо, не дерзи, не отвечай грубо профессорам и не разочаровывай меня. Звони мне, когда захочешь, ты единственная, кому разрешено это делать двадцать четыре часа в сутки. Я скоро вернусь, как раз к твоему дню рождения, вернусь другим.

Она глядела на него глазами, которые завораживали.

– Чтобы стать лучше, тебе не нужно уезжать, для меня ты уже лучший. – И добавила, как взрослая: – Будь осторожен,

---

¹⁴ «Беспечный ездок» – американский драматический фильм

не гони, я всё ещё нуждаюсь в тебе. Возвращайся, когда почувствуешь, что можешь быть счастливым. Пока, папочка, счастливого пути!

Он крепко обнял дочь, почти не желая отпускать, затем отпустил, она отошла, и прежде чем исчезнуть за дверью, обернулась, улыбнулась и помахала рукой. Когда дверь закрылась, Массимо почувствовал себя по-настоящему одиноким, со всем своим багажом неудовлетворённости, сожалений и страхов.

Возвращаясь, он услышал по радио песню группы Maneskin, увеличил громкость и улыбнулся. Он любил этих парней, это была единственная музыкальная группа, которая помогла ему найти общий язык с дочерью. Они даже ходили на концерт, вместе отрываясь под своих кумиров.

Он налил виски и, держа в одной руке стакан, а в другой сигарету, провёл последнюю, дотошную проверку перед отъездом. В этом он был одержим: ничего нельзя было оставлять на волю случая, даже малейшей детали, иначе он терял равновесие, чувствовал, что контроль ускользает. В глубине души он надеялся, что путешествие каким-то образом освобождает его от строгого и методичного взгляда на жизнь. Сделает его более гибким и лёгким.

Когда осознаешь свои пределы, ты также способен их пре-

одолеть.

Его внешний вид был безупречен: кожаный мотоциклетный комбинезон чёрного цвета и шлем, полностью закрывающий лицо, красный, как его трицикл. Впрочем, он всегда выглядел идеально для любого случая, даже не задумываясь. Это был вопрос стиля.

Он нажал кнопку стартера, тут же последовал металлический рокот трёхцилиндрового двигателя, он взглянул на стальной хронограф Rolex Daytona, как перед стартом гонки, – он показывал 8:00, опустил шлем и, включив первую передачу, отправился навстречу неизвестности.

В ИСПАНИИ

Какое чудесное ощущение – путешествие! Неважно, куда ты направляешься, именно это чувство, иллюзия того, что ты оставляешь всё позади, делает поездку такой завораживающей. Когда ты достигаешь цели, иллюзия рассеивается, и всё, что, как тебе казалось, ты оставил, настигает тебя в мгновение ока, словно путешествовало инкогнито, спрятавшись в багаже.

Массимо выехал на автостраду с ясным умом, сосредоточенным только на дороге. Как обычно, он не устоял перед соблазном разогнаться. Двигатель взревел, выдав всю свою

мощь, превысив 8000 оборотов, а стрелка спидометра чуть перевалила за 200 км/ч. Если говорить по секрету, это всё равно что ехать 300 км/ч на машине с четырьмя удобными и надёжными колёсами. Утренняя доза адреналина взбодрила его, как хороший кофе. Он потянул рычаг газа, замедлился до 160 км/ч и, чувствуя, как ветер обтекает его комбинезон, продолжил путь.

Недалеко от Флоренции он остановился, чтобы заправиться, выкурить сигарету и решить, куда свернуть – налево, в сторону Генуи, или направо, в сторону Болоньи. Неизбежно подошли любопытные, чтобы расспросить о трицикле: что это такое, как быстро едет, сколько стоит. Он с досадой понял, что расспросы будут сопровождать его в течение всего долгого путешествия.

Он сидел, не в силах решить, куда повернуть, выбрать что-то одно. Наш разум, погружаясь в воспоминания, быстро перелистывая архив прошлого, подсказывает счастливые моменты, которые стоит пережить, сам того не осознавая, указывает нам путь.

Массимо вспомнил свою первую поездку за границу, когда ему было чуть больше двадцати, на своей первой подержанной Porsche, чёрной Carrera 3.2. Он только что расстался с Паолой, своей первой большой любовью, и импульсив-

но решил отправиться к друзьям в Тосса-де-Мар и на Коста-Браву – в Испанию.

Тогда он выехал на рассвете, вооружившись дорожными картами и двумя карманными разговорниками: итальянско-французским и итальянско-испанским. Французский он знал неплохо, учил его в средней и старшей школе. Испанский – ноль, но, как говорится, добавь к итальянскому «с» – и дело сделано, по крайней мере, так он думал.

Около полудня он прибыл в Ниццу, нужно было размять ноги и поесть. По наивности он искал вывеску итальянского ресторана. Зря он это сделал! Еда была отвратительной, он обнаружил, что пожилой и толстый владелец ресторана с трудом вспоминал слова «пицца», «спагетти» и «лазанья», а как их готовить, уже и не соображал. Массимо поехал дальше, усвоив первый урок: за границей никогда не ходи в итальянский ресторан.

Porsche шла отлично. Незадолго до полуночи он наконец добрался до границы с Испанией. Он устал и решил, что в такое время суток продолжать путь не стоит, надо поспать. Заехал на большую парковку, где было много других людей с такой же идеей, и, застыв на не откидывающемся сиденье машины, попытался уснуть. Естественно, спал не очень хорошо. Наступил рассвет. Вокруг уже кипела жизнь: машины

и люди готовились пересечь границу.

Около десяти утра он прибыл в отель Marina Tossa, где его уже ждали друзья, Бруно и Роберто. Он знал их недолго, они работали в одной компании и были именно теми людьми, с которыми можно провести незабываемый отпуск. Бруно, сын богатого торговца, значительную часть детства жил в Бразилии: возможно, именно оттуда и происходил его вечный загар. Невысокий, с кудрявыми чёрными волосами, обязательной улыбкой, учтивыми манерами, природной склонностью к смеху и веселью. Роберто был римлянином, скромного происхождения, с каштановыми волосами, атлетическим телосложением, с суровым, но добрым, как хлеб, лицом.

Они набросились на него, чтобы обнять, как только увидели. Бруно с лукавой улыбкой сказал:

– Эй, это не Тосса-де-Мар, это Тосса-де-Фика!

– Ты не поймёшь! Никогда в жизни не видел столько красивых женщин! – вторил ему Роберто.

Массимо был счастлив, что снова увидел друзей.

– Ну, значит, я попал в нужное место.

– Давай, поднимайся в номер, переодевайся, мы сразу идём на пляж. Ждём тебя.

Пляж был с мельчайшим белым песком, живописными скалами, вода – чистая и бирюзовая. На пляже творилась оргия отдыха, почти все были молодые. От бесконечного количества сирен в мини-бикини захватывало дух. Массимо сразу же бросился в воду, чтобы освежиться после долгого путешествия и снять усталость. Бруно и Роберто подробно рассказали ему о месте, обычаях, ресторанах, дискотеках и о том, как легко здесь знакомиться.

Вечер и ночь были самым жарким временем на пляже, игровой площадкой для взрослых: работали бары, пабы, рестораны, магазинчики, сияли огни, слышалась музыка и смех. Парни разных национальностей были объединены одной целью – повеселиться! Массимо никогда ничего подобного не видел в Италии, даже в Римини и Риччоне.

В тот вечер после ужина они отправились в один из самых модных ночных клубов. У входа была очередь, и не всем в итоге посчастливилось попасть внутрь. Бруно и Роберто, которые уже знали все уловки и завели нужные знакомства, обойдя значительную часть очереди, без проблем прошли под любезные улыбки охранников. Внутри царил адский рай

с психоделическим освещением и музыкой на полную громкость. Казалось, это было воплощение Вавилонской башни: люди говорили на множестве языков, но никаких трудностей в понимании не возникало, ведь язык тела преодолевал любые барьеры, неважна была раса, идеология, социальный статус. Массимо окунулся в море беззаботности и жажды жизни.

Бруно крикнул ему в ухо: «Идём, я познакомлю тебя с боссом Тоссы. Очень крутой неаполитанец, всегда окружённый женщинами». Протиснувшись сквозь толпу, они добрались до уединённого уголка заведения с тремя большими белыми диванами и низким стеклянным столиком, полным бокалов, бутылок и ведёрок со льдом, из которых торчали изящные горлышки бутылок шампанского. На диване развалился Рокко, босс, рядом с ним сидели четыре потрясающие девушки, по две с каждой стороны. Весёлую компанию дополняли двое парней лет тридцати и шесть девушек, которым позавидовали бы даже подружки плейбоев. Рокко был видным тридцатилетним парнем с густыми, чёрными, блестящими растрёпанными волосами, рекордным загаром, который ещё больше подчёркивал зелёные глаза; белые зубы – как клавиши пианино, белая рубашка расстёгнута до пупка. Он приветствовал Бруно, подняв бокал шампанского, и крикнул: «Парень, иди сюда, садись!» Массимо представили, и они присоединились к компании. Поскольку мест практически

не осталось, Рокко с любезным, но решительным видом обратился к нескольким девушкам: «Уступите место моим друзьям, идите потанцуйте». Три зайки, улыбаясь, вспорхнули, как курицы, и смущённо освободили места для трёх парней.

Массимо словно оказался на небесах, в чудесном месте, с приятными друзьями, за столом босса, в окружении множества женщин – чего ещё желать? И всё же он не был счастлив вполне, ему не хватало Паолы, её глаз, улыбки, поцелуев, её колких замечаний и нежности, ревности и любви. Как в американских фильмах, он пил, чтобы забыться, или, возможно, просто чтобы не думать.

Около четырёх утра Рокко сделал Бруно предложение.

– Бру, завтра я уезжаю на неделю по делам. Если хочешь, я оставлю вам дом, машину и всё, что внутри. Я не могу оставить сиротами столько хороших парней. Чувствуйте себя как дома, только не подожгите ничего. Договорились?

– Не волнуйся, мы позаботимся о доме. Уезжай спокойно, только оставь нам пару симпатичных цыпочек. А-ха-ха-ха, – Бруно был уже в себе, как и все присутствующие.

Никто точно не знал, чем занимается Рокко, друзья строили догадки, но сейчас не время для сплетен. Единственное,

что было ясно – у него было много денег и большое сердце. То, что он называл домом, было одной из самых красивых вилл в Тосса-де-Мар, с огромным бассейном в форме фасоли, окружённым пальмами. Машина – кабриолет Rolls Royce Corniche, цвет металлик синий, с кремовым кожаным салоном. «Всё, что внутри» – пара чилийцев, муж и жена, универсальные помощники, которые занимались готовкой, уборкой, садом... «Не могу оставить сиротами столько хороших парней» означало, что он не мог оставить на время столько людей без грандиозных вечеринок, которые он устраивал на своей вилле. Единственным условием было не сжигать дом. Это предложение стало решающим поворотом в и так фантастическом отпуске.

После отъезда Рокко по вечерам они ездили взад и вперёд по главной улице города, Бруно, высунувшись из машины, кричал на разных языках: «Сегодня вечеринка на вилле Бланко! Tonight party al Villa Blanco! Esta noche fiesta en Villa Blanco! Hente aben party in der Villa Blanco! Soirée ce soir à la Villa Blanco!» Их приветствовали как рок-звёзд!

Вилла открывала ворота в полночь и, если повезёт, закрывала их к восьми утра. За это время происходили такие события, что на их описание не хватило бы ещё одной книги. Пара местных парней, которые помогали из дружбы и выгоды, выполняли роль охранников, стараясь по возможности как-

то отбирать участников вечеринки. Например, они не пускали тех, кто был сильно пьян, группы неудачников без женщин, людей старше 35 лет и так далее.

Матиас и Флоренсия, чилийская пара, привыкшие к подобным вечеринкам, были незаменимыми помощниками, всегда улыбчивыми и отзывчивыми. По соображениям общественной безопасности было запрещено занимать всё, кроме зала и огромного сада, но не всегда удавалось соблюдать правило. Музыка на полную громкость, реки алкоголя – пиво, шампанское и не только. В среднем каждую ночь на вилле было не менее 400–500 человек, и столько же оставалось снаружи. Обычно после четырёх утра половина гостей была голой или полуобнажённой. Другая половина находилась в бассейне в одежде или пряталась в каком-нибудь уголке сада или дома, занимаясь сексом. Все были пьяны!

Бруно отвечал в основном за связи с общественностью, Роберто – за порядок и безопасность, а Массимо, будучи самым привлекательным, – за отношения с женщинами. Он был застенчив и не искал секса специально, но не проходило ни одной ночи, чтобы он не оказался в постели хотя бы с парой сногшибательных девушек. Почти всегда они были не итальянки. Итальянки, как известно, слишком зазнаются. Он общался с половиной мира – своего рода был ООН в сфере секса.

После таких ночей было трудно выйти на пляж раньше двух часов дня, поэтому он оказался менее загорелым, когда уезжал, чем когда приехал. Утром пляжи пустовали, на них отдыхали только семьи с кричащими детьми.

Однажды они решили сделать перерыв, тем более, что бедные Матиас и Флоренсия вконец измотались. Они собрались с группой заводил, чтобы отправиться в Льорет-де-Мар, в знаменитый клуб Revolution. Вечером поужинали в колоритном ресторанчике с маленькими столиками на открытом воздухе в компании Маргарет, Керстин и Камиллы. Своего рода «Евросоюз до нашей эры». Роберто невольно устроил представление. Жестикулируя в сторону официанта, он закричал:

– Официант, официант, принеси мне немного масла. Масло!

Официант, здоровяк с бородой, бросил на него взгляд издалека, но не подошёл. Роберто, продолжая махать поднятой рукой, повторил: «Масло, масло!»

Официант подошёл, упёршись руками в бока, и угрожающе сказал:

– Масло? Ты осёл!

– Да, масло. Масло! – Роберто потерял терпение.

К счастью, вмешался Бруно, который немного говорил по-испански, всхлипывая от смеха, уточнил:

– Эй, Роберто, ты называешь его ослом, поэтому он и разозлился! А-ха-ха-ха. «Бурро» по-испански означает «осёл». А-ха-ха-ха. – Затем, обратившись к официанту, он сказал: – Простите, мой друг хотел сливочного масла.

К счастью, официант понял недоразумение и, улыбнувшись, отошёл. Роберто, смущённый, сказал: «Эти чёртовы испанцы, как они говорят? Сейчас я намажу осла на хлеб!» Они объяснили произошедшее своим подругам, и все смеялись, не в силах остановиться.

После весёлого ужина они прогулялись по улочкам города. Был час пик, заведения всех мастей были полны молодёжи, которая на разных языках создавала в воздухе, уже насыщенном ароматами алкоголя и травки, гармоничные и диссонансирующие звуки. Эхо музыки, наполнявшее воздух звёздной летней ночью, возвестило им, что они почти прибыли к месту назначения. Из темноты выступила белая величественный храм музыки и развлечений – Revolution. Огром-

ная овальная арена, где вместо гладиаторов, рисковавших жизнью, находились молодые люди, рисковавшие оглохнуть. Вспышки разноцветных огней, следуя ритму оглушительной музыки, освещали через промежутки множество движущихся тел, похожие на морские волны. Они никогда не видели ничего подобного и бросились в толпу, не раздумывая. Вышли из неё в предрассветные часы, не помня себя.

К сожалению, как и всё прекрасное, каникулы тоже подошли к концу. Бруно и Роберто уехали.

Массимо отправился домой из Тосса-де-Мар уже ближе к полудню, после прощаний, объятий, поцелуев и обещаний скорой встречи с новыми друзьями и подругами по приключениям. Возвращаясь из отпуска, всегда испытываешь лёгкую грусть, ностальгию, сожаление, страх при мысли о необходимости вновь окунуться в повседневную рутину. Это путешествие не стало исключением, даже наоборот... Несмотря на то, что Массимо был постоянно занят и ошеломлён фантастическим приключением, мысли о Паоле никогда не покидали его. Он чувствовал себя ущемлённым, словно ему не хватало части себя.

ФРАНЦУЖЕНКА

По радио звучали французские песни, и его мысли нес-

лись быстрее машины, когда незадолго до города Нарбона на обочине дороги он увидел девушку, которая, подняв большой палец, ловила попутку. У неё была очень бледная кожа, длинные прямые платиновые волосы, она была высокой, стройной, в длинном платье с провансальским узором и с рюкзаком за плечами. Настолько неземная, что казалась ангелом, упавшим с небес. Массимо остановился, девушка подошла к машине, наклонившись к окну (именно тогда он впервые увидел её серо-голубые глаза и добрую улыбку) и сказала по-французски:

– Привет, ты можешь подвезти меня до Авиньона?

– Я могу подвезти тебя немного, я потом поеду дальше по прибрежной дороге, возвращаюсь в Рим, – очарованно ответил он.

– Хорошо, спасибо, довези меня до Нима, а оттуда я найду другой транспорт, – сказала она, садясь в машину.

Как только они тронулись, она сказала: «Меня зовут Шанталь». В этот момент он подумал, что более красивого и французского имени у неё и быть не могло. Повернувшись к ней на мгновение и протянув руку, он представился. Её рука была тонкой, с длинными изящными пальцами, при прикосновении к ним он испытал волнение.

Она тоже была застенчива, и в дороге они мало разговаривали, лишь обменялись парой вежливых фраз и информацией о себе. Через пару часов они добрались до Нима. Массимо припарковал машину на обочине и уже собирался попрощаться, как вдруг понял, что не может отпустить это ангела, что ему ещё нужно побыть с ней. Он смущённо посмотрел на неё и, глуповато улыбнувшись, сказал: «Давай, я провожу тебя до Авиньона». Она, поблагодарив его взглядом и улыбкой, захлопнула дверцу машины.

Шанталь был 21 год. Она приехала из Страсбурга и училась на факультете литературы и философии. В Авиньоне проводила каникулы с друзьями. Она отличалась от всех девушек, которых он знал и с которыми встречался в Тоссе-де-Мар, была полной противоположностью. А её речь по-французски звучала как музыка. Он подумал, что французский – самый чувственный и женственный язык в мире.

Чуть меньше чем через час они прибыли в Авиньон, город римских пап. Был поздний вечер, стояла сильная жара. Она взяла его за руку и, выступая в роли экскурсовода, повела по городу. Они дошли до Папского дворца, огромного и величественного готического здания. Там они сели на ступеньку, и она рассказала ему историю дворца и пап, которые там жили. Массимо понял не больше половины из того, что она

говорила, но слушать было всё равно приятно. Он с неохотой сказал, что ему пора отправляться в путь. Она сказала с естественной мягкостью: «Но тебе нужно поесть, дорога долгая. Пойдём в общежитие, я тебе что-нибудь приготовлю». Он последовал за ней, как щенок за хозяином. В общежитии она, со всеми поздоровавшись, и представив Массимо некоторым ребятам, отвела его в столовую.

– Подожди меня здесь, я тебе что-нибудь приготовлю и вернусь. Хочешь пасту?

Не раздумывая, он согласился. Через некоторое время она вернулась с двумя дымящимися тарелками спагетти с томатным соусом и кока-колой. Вид блюда был не самым аппетитным: бедные спагетти явно переварились, были покрыты густым красным соусом. Он попробовал, и его подозрения подтвердились. Спагетти, разумеется, были переварены, а соус представлял собой нечто вроде кисловатой томатной консервированной пасты. Она, улыбаясь, спросила:

– Вкусно?

– Очень вкусно! – бесстыдно солгал он.

– Я знаю, что ты врёшь! Несмотря на то, что мой отец повар, я на кухне – катастрофа, да и потом, для итальянца

эти спагетти вряд ли можно назвать хорошими. А-ха-ха, а-ха-ха, – она рассмеялась, глядя на него глазами цвета неба перед бурей и скривив рот.

– Засчитано!

После ужина настало время прощаться: она проводила его до машины. Они больше общались взглядами, чем словами. Им хотелось сказать друг другу тысячу вещей, дать тысячу обещаний, но ничего не получилось. Объятие и простое: «Прощай!»

Массимо уехал, и ему показалось, что он что-то забыл, как бывает, когда выходишь из дома и начинаешь перечислять, что мог оставить: деньги, ключи, очки, включённый газ. Он проехал не больше пяти километров, фары пронзали ночную тьму, потом понял, что забыл, чего ему не хватало: её!

Внезапно он совершил рискованный разворот и, сильно нажав на газ, вернулся. Фары машины осветили Шанталь, она всё ещё была там, где он её оставил. Он не мог поверить своим глазам, возможно, это лишь плод воображения! Массимо резко затормозил, заставив шины взвизгнуть, вышел из машины и бросился к ней. Они обнялись так, словно не виделись целую вечность, и поцеловались так, словно от этого зависела их жизнь. Массимо почувствовал воссоединение,

умиротворение, обретя то, что что мог навсегда потерять.

Она просто сказала: «Я ждала тебя. Я знала, что ты вернёшься!»

Они были уже иными людьми, не робкими, а полными страсти. Они сказали друг другу, что будут писать, созваниваться, скоро увидятся снова. С этим багажом надежды попрощались и разошлись каждый своей дорогой.

Массимо снова отправился в Рим, на этот раз уверенный, что ничего не забыл, уверенный в своей находке. Как странна жизнь: пятнадцать дней он был окружён красивыми девушками, а потом, когда всё закончилось, на обратном пути девушка, ловившая попутку, подарила его сердцу путешествие в рай.

...«Вот это мотоцикл!» Это восклицание прервало воспоминания, в которых Массимо утонул, и мгновенно вернуло его к реальности. Он посмотрел направо и увидел здоровяка с бритой головой, густой бородой и многочисленными татуировками, который, глядя на него с обаятельной улыбкой, пытался привлечь его внимание. «Круто! Что это?» Массимо в очередной раз дал краткую информацию о трицикле и вежливо попрощался с парнем. Он видел, как тот удаляется к колоритной группе байкеров на Harley.

Он решил доехать до Генуи, желая снова увидеть Тосса-де-Мар.

Массимо был доволен покупкой трицикла, он давал ему всемогущее чувство свободы, и чем больше он проезжал, тем больше, как бывший пилот и инженер, ценил его качества.

Около четырёх часов дня он прибыл в Сан-Ремо: за плечами осталось 650 километров пути, но он не чувствовал особой усталости, да и время было ещё раннее. Он захотел поужинать на набережной Канн или – почему бы и нет? – в любимом бунтарском Сен-Тропе. С решением можно не спешить.

Он сел в кафе в историческом центре Сан-Ремо, заказал кофе, закурил сигарету и посмотрел в iPod. Как он и распорядился строго, сообщений из автосалона не было, только от друзей, от каких-то зануд, его интересовало единственное: «Привет, папочка, как дела? Докуда доехал? В следующий раз, когда решишь поехать в путешествие, возьми меня с собой. Не на месяц, потому что я заскучаю, но на полторы недели можно». Он тут же ответил: «Привет, любовь моя, у меня всё отлично, я в Сан-Ремо и пью кофе, потом снова отправляюсь во Францию. Впрочем, с твоими оценками по географии это как говорить с тобой по-китайски. Потом пришлю фотографии, чтобы прояснить тебе картину. Конечно,

мы поедем вместе на трицикле, это будет здорово. Пожалуй-ста, начни учебный год хорошо, не веди себя как обычно, когда всё оставляешь на последний месяц. Не отвечай плохо учителям и веди себя хорошо».

Федерика ответила не письменно, а голосовым сообщением: «Уф, ты всегда плохо со мной обращаешься и дразнишь меня, ты просто невыносим! Да-да, я учусь, не отвечаю плохо и веду себя хорошо... стараюсь. А-ха-ха-ха-ха-ха. Я тебя очень люблю. Развлекайся!»

Проезжая по набережной Круазетт, он миновал Le Grand Hotel Cannes, где провёл много приятных отпусков, но решил продолжить путь в более беззаботный Сен-Тропе: Канны, особенно в конце лета, были настолько формальны, что вызывали у него почти дискомфорт.

Массимо прибыл в Сен-Тропе почти на закате, воздух был тёплым и приятным. Он припарковал трицикл, снял комбинезон, обувь и, словно мальчишка, босиком пошёл по пляжу до моря. Людей было немного: несколько влюблённых парочек, обменивающихся нежностями, и группа шумных молодых людей, провожавших конец дня пивом и яркими аперитивами. Массимо сел на песок у кромки воды, спокойное, шелестящее море лёгкой волной омывало его ноги. Он обо-жал море, взгляд его устремлялся к горизонту, и он, словно чайка, улетал в бесконечность. Море дарило ему столько по-

коя и свободы.

На ночь он остановился в отеле La Ponche. Он располагался в старинном рыбацком посёлке и немного напоминал ему Позитано и Портофино. Массимо также вспомнил множество юношеских вылазок и романтических ночей. Он не был здесь лет двадцать, но директор отеля сразу же узнал его, вышел навстречу с протянутой рукой и искренне сердечной улыбкой, воскликнув: «Месье Де Лаби, какое удовольствие и какая честь видеть вас снова!» Он тепло пожал гостю руку, чтобы подчеркнуть свой восторг, накрыл её второй. Для Массимо такое приветствие стало приятной неожиданностью и помогло ему почувствовать себя комфортно, как дома.

Он попросил подать ужин в номер, потому что очень устал от дороги, но на самом деле ненавидел ужинать в одиночестве. Когда он приходил в ресторан и видел одинокого человека, ему всегда становилось неловко за него, он думал о том, как же человеку, должно быть, одиноко, раз он не может найти никого, с кем бы поужинать. Это была его паранойя, как и многое другое.

Рано утром Массимо уже был готов к отъезду, но перед этим совершил прогулку по пляжу, вдохнул свежий, солёный воздух, наслаждаясь остатками фантастического рассвета. И

в этот раз, как и много раз до этого, глядя на море, он сказал себе, что, когда станет старше, уединится в доме с видом на море.

Он отправился в путь с намерением добраться до Тосса-де-Мар одним махом. Подняв глаза к небу, он увидел быстро несущиеся друг за другом тёмные тучи, не предвещавшие ничего хорошего. Он пожал плечами и поехал. Как бы быстро он ни ехал, примерно через два часа тучи настигли его и, развернувшись, обрушили на землю гнев Божий. Массимо бесстрашно проехал ещё десять километров, затем увидел указатель на Авиньон, в голове промелькнули другие воспоминания, и он туда свернул.

В его памяти ещё был жив образ Шанталь, милой французской девушки, которой он дал обещание, но не сдержал его. После того романтического прощания они часто разговаривали по телефону, и примерно через три недели Массимо решил отправиться к ней в Страсбург.

В аэропорту Страсбурга среди множества ожидающих он увидел Шанталь; она была ещё прекраснее, чем он помнил. С момента их прощания прошло три недели, и ему казалось, что целая вечность. Благодаря многочисленным сообщениям и звонкам он узнал её, узнал многое о ней, о её жизни, характере. Удивительно, как расстояние способно сближать

и побуждать рассказывать то, что в присутствии часто остаётся невысказанным.

Он взял напрокат синий Golf, и они направились в отель. По дороге Шанталь сказала: «Сейчас ты оставишь чемодан в отеле, а потом мы пойдём обедать к моим родителям, они тебя ждут. Как я уже писала, мы живём за городом, и дорога займёт около получаса». Затем, с нежностью, ласкающей слух, она добавила: «Всё это время я только и думала о тебе, боялась, что больше тебя не увижу, как в тот вечер в Авиньоне. Думаю, я бы ждала тебя часами». Он погладил её руку, лежавшую на его колене.

Примерно через полчаса они свернули с главной дороги на узкую грунтовую, ведущую через еловый лес. Он ехал, следуя указаниям Шанталь, и вскоре увидел двухэтажную виллу с покатой крышей, как у горных домов, покрытой тёмно-серым шифером. «Мы приехали», – сказала она. Встреча с родителями девушки всегда вызывала у него сильное волнение, а уж тем более с французами. Войдя внутрь дома, он оказался в просторной гостиной с камином, креслами и диванами.

Навстречу ему вышла мать Шанталь, красивая высокая женщина лет пятидесяти, которая почтительно его поприветствовала. Круглый стол на кухне был накрыт. За столом

уже сидели три младшие сестры Шанталь, которые, увидев Массимо, переглянулись с лукавыми улыбками. Все три были красивыми девушками, хотя самой прекрасной, безусловно, была Шанталь. Они робко представились, а он, ещё более робкий, чем они, назвал своё имя с показной уверенностью. Отец, повар по профессии, оказался крупным мужчиной, лысым, весом не менее 120 килограммов. Он стоял спиной, занятый у плиты, лишь слегка повернулся и добродушно кивнул Массимо в знак приветствия.

Массимо чувствовал, что умирает от смущения, и про себя подумал: «В какую же переделку я вляпался? Что я им теперь скажу? Кто их поймёт? Матушка, помоги мне!» Шанталь, чтобы придать ему смелости, сжимала его руку под столом.

Начался обед, сменилось множество блюд, и к каждому подавался особый вид вина. Отец-повар показал мастерство и продемонстрировал изысканное гостеприимство. Разговор был скудным из-за общего смущения и объективных трудностей в понимании. Наконец, бесконечный обед закончился, Шанталь взяла Массимо за руку, отвела на второй этаж и провела в свою комнату, закрыла дверь и поцеловала его.

Она легла на кровать и пригласила сделать то же самое. Он смутился.

– А если войдёт твоя мать?

– Она никогда бы этого не сделала! Если я принимаю кого-то, то и они автоматически принимают его. Вопрос доверия, – совершенно естественно и спокойно ответила Шанталь.

Ему показалось, что он слушает инопланетянина, прибывшего из какой-то далёкой галактики Вселенной, и про себя подумал: «Прямо как у нас в Италии! Всегда с заряженным ружьём. А-ха-ха-ха, а-ха-ха-ха».

Успокоившись, он лёг, и они отдались нежным ласкам; несмотря на её заверения, он был напряжён, как струна. Шанталь чувственным тоном на чувственном французском языке сказала: «Я хочу заняться с тобой любовью! Поедем в отель». Звук её слов был настолько ясным и недвусмысленным, что переводчик не понадобился.

Самые желанные и долгожданные вещи всегда самые прекрасные. Они ждали момента долго, день за днём, между строк любовных сообщений. Расстояние обостряет чувства, возможно, чтобы компенсировать физическое отсутствие любимого человека. За эти недели их чувства уже соединялись, они уже занимались любовью. В тот день в отеле

они физически сделали то, что уже сделали на расстоянии раньше. Не было никаких акробатических этюдов из Камасутры, они занимались любовью самым традиционным способом, но это было прекрасно! Заниматься любовью и слышать шёпот: «Я кончаю, я кончаю...» – это самый фантастический эротический опыт, который можно себе представить. Она была настолько естественной и спонтанной, что Массимо почувствовал себя немного провинциалом. Как истинный итальянец, он не мог избавиться от подсознательного чувства греха, связанного с сексуальным актом. В конце концов, христианская религия – единственная, которая так яростно нападает на телесные удовольствия. Они занимались любовью весь день. Когда Шанталь была счастлива, её глаза светлели, как будто лёгкие серые облака рассеивались, оставляя место только лазури. Ласковым голосом она прошептала: «Я люблю тебя».

Мгновение спустя в её глазах снова появились серые тени.

– Ты, наверное, понял, что я не девственница? Не хотелось бы, чтобы это тебя разочаровало, – смущённо сказала она.

– Дорогая, я, может, и итальянец, но уж точно не ожидал, что ты потеряешь невинность, ожидая меня, стоя на обочине с поднятым большим пальцем. А-ха-ха-ха-ха, а-ха-ха-ха,

– ответил он, глядя на неё с нежностью и усмехаясь. – Успокоившись, она тоже рассмеялась. – Иногда у вас, иностранцев, складывается немного шаблонное представление об итальянцах: пицца, макароны, мафия. Мы не только это... мы и похуже! А-ха-ха-ха-ха, а-ха-ха-ха.

Шанталь потребовалось некоторое время, чтобы понять шутку, из-за ужасного французского Массимо и её собственного слабого франко-германского чувства юмора, но потом она улыбнулась.

Ближе к вечеру они вышли из отеля, небо было серым, как и город. Было довольно холодно, и, взявшись за руки, они начали прогулку. Он немного стеснялся идти с ней рядом, потому что без каблуков она была как минимум на пять сантиметров выше него. Он чувствовал себя ребёнком, гуляющим с мамой. Они поужинали в бистро, а затем она повела его по местам, популярным среди местной молодёжи. Был вечер пятницы: как и везде в мире, люди отрывались по полной. Они добрались до площади, где на зелёной лужайке стоял большой самолёт, двухмоторный, с пропеллерами, с мигающими неоновыми вывесками. Они поднялись по трапу, внутри было полно парней и девушек, сидевших на диванчиках с огромными кружками пива в руках. В бывшей кабине пилота располагалась стойка, за которой диджей в наушниках поднимал децибелы до небес. Обслуживали столики

красивые девушки в форме стюардессы.

После они отправились в другое странное и оригинальное заведение – огромный пассажирский вагон поезда 50-х годов, переоборудованный под дискотеку. Он был набит людьми, как вагон для депортированных, только те безумно веселились. Они нашли места на сиденьях вместе с другой компанией. Массимо, пока пил пиво, в дымке сигаретного дыма, увидел нечто необыкновенное! Он не мог поверить своим глазам. Он прищурился. Да, это была она, именно она. Франсуаза Арди¹⁵! Он был её поклонником, был без ума от неё. Высокая, стройная, с длинными светлыми волосами и пухлыми губами, хоть и не очень молодая. В тот момент он понял, что Шанталь очень на неё похожа. Он рассказал Шанталь о своей страсти к певице. Она улыбнулась, встала и пошла поговорить с Арди. Они тепло поздоровались, улыбаясь: Шанталь, чтобы перекричать оглушительную музыку, что-то прошептала ей на ухо, а затем они направились к Массимо. Они знали друг друга! Какое совпадение, какое волнение. Ему хотелось провалиться сквозь землю. Арди тёплым и чувственным голосом, глядя ему в глаза, сказала: «Comment ça va?» Он, сглотнув, ответил: «Ça va bien!» Певица задержалась с ними немного, дружелюбно побеседовала, затем вежливо попрощалась и присоединилась к своим друзьям. Позже Массимо узнал, что Шанталь и Франсуаза – кузины. Вот

---

¹⁵ Известная французская певица и актриса

и объяснение сходства. Какой незабываемый вечер!

Они вернулись в отель поздно, уставшие, весёлые и с парой бокалов превосходного эльзасского пива. Она, ложась в постель, иронично и без ложной ревности сказала:

– Ты всё равно будешь со мной, даже если я не Франсуаза Арди?

– Ты всё равно будешь со мной, даже если я не Ален Делон? А-ха-ха, а-ха-ха.

Им обоим было очень хорошо, и они занимались любовью до конца волшебной ночи.

Проснулись поздно, позавтракали и спланировали день. Тур включал в себя собор Нотр-Дам, дворец Роган, Гран-Иль, прогулку на кораблике, Пти-Франс, шопинг и бистро. Массимо было так приятно быть с Шанталь, такой спокойной, нежной, решительной, полной внимания к нему, что он поехал бы за ней хоть на край света. Город был прекрасен, опрятен, чист, с атмосферой, возникшей из-за слияния французской утонченности и немецкой основательности.

Шанталь отвела его на ужин в «Винштубе», типичную эльзасскую таверну. Внутри выделялись красные скатерти и

тёплая атмосфера прошлых времён. Он взял меню, но, быстро просмотрев его, закрыл и положил на стол.

– Заказывай ты, потому что я ничего не понимаю.

Она рассмеялась, сделала знак официанту, который подошёл с добрым и услужливым видом, на языке, ему непонятном, заказала ужин. Как только официант отошёл, он с любопытством спросил:

– Я голоден! Что ты мне вкусное готовишь?

– Я заказала паштет из фуа-гра, возможно, ты не знаешь, но мы изобрели его в Страсбурге, затем Fleishenschneke – рулетики из мяса с тестом, наконец, шукрут – квашеную капусту с лососем. А пить будем наш шедевр – Gewurztraminer¹⁶.

– Надеюсь, они так же хороши, как и трудны для производства. А-ха-ха-ха-ха.

Шанталь уже привыкла к шуткам и тоже рассмеялась. После ужина с довольным видом он сказал:

– Я очень хорошо поел, всё было вкусно, приятно открывать для себя вкусы другой страны. Это способ проникнуть

---

¹⁶ Белое вино из одноимённого сорта винограда

в её душу.

– За нас, за нашу любовь, за наше будущее, – она подняла бокал.

Они ещё некоторое время разговаривали и потягивали этот великолепный нектар.

– Мне немного грустно, завтра ты уезжаешь, и я не знаю, когда тебя снова увижу. – Шанталь посерьёзнала. – Я люблю тебя и хочу жить с тобой всегда. Кстати, мои родители хотели бы узнать о твоих намерениях относительно меня, знаешь, они люди старой закалки... Если хочешь, завтра пойдём к ним на обед, и ты им расскажешь.

Он был так увлечён девушкой, что готов был жениться на ней на следующий день. С естественной уверенностью он сказал:

– Конечно, любимая, завтра я им всё расскажу. Я скажу им, что люблю тебя и хочу на тебе жениться. Я встану на одно колено и попрошу твоей руки! А-ха-ха-ха... Но ты, ты хочешь выйти за меня замуж?

Её глаза были голубыми и ясными, как летний рассвет.

– Я этого хочу с того вечера, когда ты вернулся ко мне в Авиньоне.

Как обычно, это был один из обедов с восемнадцатью блюдами и восемнадцатью бутылками вина. Затем они сели в гостиной на диване: отец и мать, рука об руку, он и Шанталь, рука об руку, напротив. Собрав все силы, чтобы преодолеть смущение, сформулировав предложения по-итальянски, а затем попытавшись перевести на французский, он сказал: «Я благодарю вас за гостеприимство. Я здесь, потому что люблю вашу дочь и потому что мы хотели бы пожениться. Надеюсь, Шанталь через несколько недель приедет в Рим и познакомится с моими родителями». Отец и мать растаяли в одобрительной улыбке и, хотя он не понял, что конкретно они сказали, дали своё согласие, нежно обняв. Три сестры, хихикая, выстроились в очередь, чтобы поцеловать его.

Массимо и Шанталь заехали в гостиницу, чтобы собрать вещи, и в последний раз провели ночь вместе. Это было иначе, более интимно, более страстно, словно признание в любви открыло все двери.

Обратный перелёт не был таким захватывающим и приятным, как предыдущий. Грусть и слёзы в аэропорту, беспокойство из-за ужасной погоды, сосед по креслу весом не менее двухсот килограммов, занимавший половину чужого

места. В довершение всего, вскоре после того, как раздали подносы с ужином, стюардесса объявила о турбулентности и попросила пристегнуть ремни безопасности. Самолёт подпрыгивал, как на американских горках, но Массимо обнаружил, что его не укачивает: пока все опустили лица в бумажные пакеты, он спокойно ужинал.

Вернувшись в Рим, они возобновили обмен бесконечными любовными посланиями и ежедневными телефонными звонками. Хотя он узнал её мало, Шанталь ему очень не хватало, не хватало её непохожести на всех итальянок, которых он знал. Она была особенной: более развитой, более спонтанной, менее провинциальной. Общение не строилось на невинных или намеренных моральных шантажах: итальянские девушки всегда ведут себя с парнями двусмысленно, как кошка с мышью.

Они строили планы: она приедет в Рим, чтобы познакомиться с его родителями, говорили о том, как нужно организовать свадьбу.

Проблема или, наоборот, преимущество решения пожениваться заключается во времени, которое проходит до самого события. Месяцы, а то и годы. Если бы было возможно, Массимо уже был бы женат. Но время даёт возможность поразмыслить: бюрократические процедуры, гражданские и цер-

ковные, демотивируют, организация праздника беспокоит, финансовое бремя пугает, а перспектива будущего «навсегда, пока смерть не разлучит» уничтожает. И тогда внезапно, преодолевая любовные порывы, сам собой возникает вопрос: «Что я делаю?!» В этот момент паника охватывает нутро, дыхание становится коротким и прерывистым, учащается сердцебиение, пересыхает во рту, и холодный пот покрывает каждый сантиметр кожи. Когда вы доходите до такого вопроса и испытываете разрушительные ощущения, любовь оказывается в серьёзном затруднении!

Увы, Массимо как раз вошёл в эту фазу. Он искренне любил Шанталь, но разлука оказалась слишком большим испытанием для него. Он долго страдал, а затем, за неделю до её приезда в Рим, позвонил.

– Любимая, я не знаю, как тебе сказать... Я всю неделю об этом думаю, мне плохо, но я должен быть с тобой честен. Я не чувствую, что могу продолжать. К сожалению, из-за расстояния, которое нас разделяет, единственный способ быть вместе – это пожениться, но я не готов, я не могу сделать такой важный шаг. Не сейчас. Я люблю тебя! Помоги мне, я не знаю, что делать.

Она, спокойным, но грустным тоном, ответила:

– Что я могу тебе сказать? То, что ты говоришь, причиняет мне боль, но я уважаю твой выбор. Кроме того, что я люблю тебя и хотела бы выйти за тебя замуж, я ничего не могу ответить. Я не сержусь на тебя, просто немного разочарована. Надеюсь, ты будешь счастлив. Прощай!

...Он был в Авиньоне, сидел в пабе, держа в руке горячую чашку американо, а на стуле висел его мокрый комбинезон, от которого на полу образовалась небольшая лужица. Он с нежностью подумал о том двадцатилетнем парне, насколько он отличался от него теперешнего. Он испытывал угрызения совести за-за Шанталь и сожалел о себе.

Наконец-то дождь утих. Он отправился на долгую прогулку по городу, невольно проходя по тем же местам, где гулял около тридцати лет назад, держа за руку милую французскую девушку.

ИСПАНСКАЯ ДОЧЬ

Массимо был в пути около четырёх часов, когда решил остановиться, чтобы искупаться в чистых и тёплых водах моря близ Тосса-де-Мар. Это бы подняло ему настроение, он нажал на газ, и красный трицикл зарычал.

Как и ожидалось, он прибыл около пяти вечера и, недол-

го думая, направился в гостиницу, где останавливался много лет назад. Городок был не таким хаотичным, как он его помнил, летний сезон уже закончился, и туристов встречалось мало. В конце концов, он вернулся сюда не для того, чтобы снова окунуться в безумные ночи в клубах, а чтобы найти того парня, который приехал на старом Porsche, и немного поболтать с ним.

Спустя столько лет гостиница немного изменилась, её отремонтировали, но не до неузнаваемости. Гостей было немного, и найти номер не составило труда. Его встретили с характерным для испанцев и тех, кто живёт туризмом, радушием и теплотой. Массимо поднялся в номер, быстро переделся и, не колеблясь, пошёл на пляж. Через десять минут он вошёл в воду с энтузиазмом ребёнка, которому до того момента запрещали купаться, потому что он недавно поел. Массимо долго плавал, затем, измученный, но умиротворённый, лёг на песок, закрыл глаза и уснул.

Он проснулся от холода, уже почти стемнело, оделся и направился к гостинице. Поднялся в номер, принял душ, надел белую рубашку и джинсы. Решил поужинать в ресторане отеля. Людей было мало, и это помогло ему отступить от своего правила не есть одному. В конце концов, в долгом путешествии, которое его ждало, не могло быть иначе. В конце концов, путешествие также имело целью выбраться из жёст-

кой клетки правил, в которую он сам себя загнал в последние годы.

Официантка на неплохом итальянском спросила: «Господин желает сделать заказ?» Массимо посмотрел на неё и на мгновение растерялся: в ней было что-то знакомое, и он невольно продолжал разглядывать её. Официантка, смущённая пристальным взглядом, спросила:

– Желаете, чтобы я пока принесла вам что-нибудь выпить?

Он словно очнулся от её голоса.

– Да, спасибо, принесите мне красное Rioja¹⁷.

Официантка слегка улыбнулась и отошла. Массимо начал рыться в памяти, пытаясь понять, почему её лицо знакомо. Это была красивая брюнетка с блестящими чёрными глазами, пухлыми красными губами и фигурой, которую не могла спрятать строгая униформа. Наконец он вспомнил ясно, как будто это было вчера. Только вот что-то не сходилось. Если это она, ей должно было быть не меньше 50 лет!

В том же ресторане того же отеля тридцать лет назад рабо-

---

¹⁷ Вино из одноимённого винодельческого региона Испании

тала официантка, которая кружила голову и заставляла биться сердце его друга Бруно. Тот не успокоился, пока не уложил её в постель. На самом деле, по крайней мере для неё, это была не просто сексуальная связь. Обаятельный Бруно покорила сердце девушки, но ведь известно, как заканчиваются такие летние романы: уезжаешь, и остаётся только открытка, брошенная в почтовый ящик.

Массимо сказал себе, что, конечно, это не могла быть она, но, несомненно, это её дочь.

Официантка вернулась к столику с бутылкой Риожа, показала ему, затем открыла и искусно налила немного в бокал. Массимо взял бокал, осторожно покрутил рубиново-красную жидкость, вдохнул аромат мелких красных ягод и тонкие цветочные нотки, сделал глоток, и его нёбо наполнилось мягким вкусом сухофруктов, яблока и цитрусовой ноткой. Он поставил бокал, кивнул в знак одобрения, и девушка налила вино. Он заказал банальную паэлью, что, как говорят в Италии, всё равно что заказать букатини с соусом аматричана¹⁸.

Когда он закончил есть, официантка подошла к столику.

– Желает ли господин что-нибудь ещё? Могу я принести

---

¹⁸ Традиционное итальянское блюдо

вам кофе?

– Да, кофе! – сказал он с невинной улыбкой. Затем добавил: – Простите, мне нужно задать вам вопрос... ваша мать работала здесь много лет назад?

Она была застигнута врасплох, на мгновение растерялась.

– Да! Моя мать работала здесь двадцать восемь лет. Но откуда вы знаете?

Массимо кратко рассказал ей об отпуске много лет назад и об удивлении, которое он испытал, увидев девушку, которая, казалось, остановила время. Он умолчал об истории её матери с Бруно.

– Через полчаса у меня закончится смена, если хотите, можем прогуляться по набережной, мне было бы приятно поговорить о моей матери, – она сказала откровенно, не смущаясь.

– С удовольствием! Я подожду вас снаружи, а пока выкурю сигарету, – Массимо встал из-за стола.

– Я быстро. До скорого... – обрадовалась она.

Массимо сидел на низком каменном парапете спиной к отелю и смотрел на море, тёмное, как небо. Единственное, что обозначало границу тьмы, были миллионы маленьких сверкающих бриллиантов, контрастирующих с прерывистыми линиями жемчужных ожерелий в постоянном движении. Волны.

Он почувствовал лёгкую руку на плече и услышал: «Здесь!» Он вздрогнул, погруженный в свои мысли и в бесконечную красоту моря, повернулся и, улыбаясь, сказал: «Пойдём!»

Девушка была прекрасна, с распущенными волосами, больше не собранными в хвост; больше не в строгой и целомудренной униформе, а в лёгком, как воздух, чёрном платье, которое облегалo её и открывало то, что должно было быть открыто; больше не в низких белых туфлях, а на высоких каблуках; только глаза остались прежними – радостными, сильными и решительными.

Она рассказала ему, что ей 29 лет. Она никогда не знала отца, мать умерла от рака год назад, когда она заболела, владелец отеля взял девушку на работу.

Массимо сложил дважды два, и перед ним открылась истина. Двадцать девять лет, неизвестный отец и одна очень

знакомая черта, которую он раньше не принимал во внимание. Он понял, что его поразило не только поразительное сходство девушки с матерью, но и её эмпатичная, неотразимая улыбка. Улыбка Бруно! Конечно, она была дочерью Бруно, всё сходилось.

Ещё один причудливый сценарий, написанный судьбой с двумя актёрами, которые нескольких часов назад были незнакомы друг с другом, как ничего не подозревающие главные герои. С этого момента он видел девушку другими глазами: даже если она этого не знала, она была совершенно сиротой. Бруно погиб несколько лет назад в автокатастрофе. Теперь, когда он мог бы узнать о своей дочери, судьба снова вмешалась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.